

Марина
ПОРОШИНА

Майне либе Лизхен

ГЛОС ЗВЯКОМ ЛЮБВИ

Марина Порошина
Майне либе Лизхен

«ЭКСМО»

2011

Порошина М. В.

Майне либе Лизхен / М. В. Порошина — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-46886-7

В далеком заснеженном уральском городе в 30-х годах прошлого века полюбили друг друга юная Лиза Воронова и молодой немецкий архитектор Эрнст Леманн... Это звучит как начало длинной и очень красивой истории. Увы, жизнь грубо вторглась в их роман, растоптала и разрушила их чувства. Прекрасная сказка обернулась трагедией. Но на память об Эрнсте у Лизы остался причудливый дом-корабль, построенный по его проекту. А еще – надежда. Надежда, что случится чудо и однажды она вновь услышит, как он произносит с бесконечной нежностью: «Майне либе Лизхен...»

ISBN 978-5-699-46886-7

© Порошина М. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

День первый	6
День второй	26
День третий	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марина Порошина

Майне либе Лизхен

Это был счастливый дом. Но такой дом нуждается в людях.
Агата Кристи

Все еще черно-фиолетовая, но уже не страшная туча, огрызаясь молниями и погромы-хивая, нехотя отползала в сторону дальнего леса, и освободившаяся, свежеевымытая половина неба была прозрачной и ослепительно-голубой. Город, на четверть часа замерший под натиском оглушительной июльской грозы, приходил в себя, улыбаясь и отряхиваясь.

По главной улице города ехал огромный синий автобус, блестя на солнце мокрыми дельфиньими боками. В больших, наглухо тонированных стеклах отражались дома, деревья, мосты, строительные краны, купола соборов. Двигаясь осторожно, как слон, по неотложным делам вынужденный заглянуть в посудную лавку, автобус свернул с главного проспекта (конечно же, имени Ленина) на тихую зеленую улицу имени уральского писателя Бажова и не без труда припарковался возле небольшого двухэтажного дома. Дверь автобуса, тихонько вздохнув, уехала вбок, и из невидимого автобусного нутра начали выходить люди. Они разминали ноги, говорили друг другу что-то на немецком, кажется, языке и с любопытством оглядывались по сторонам, доставая фотоаппараты, – словом, вели себя так, как ведут себя туристы в любом уголке мира. Но в обычном городском дворе, застроенном пятиэтажками образца тридцатых годов прошлого века, где никаких достопримечательностей не наблюдалось, любознательные пассажиры шикарного автобуса выглядели так же неуместно, как и он сам.

Девушка-экскурсовод процокала на тоненьких каблучках к дому, старательно обходя лужи, за ней гуськом послушно потянулись туристы, и пару минут спустя возле автобуса остались лишь двое – шофер и высокий мужчина в длинном сером плаще и мягкой серой фетровой шляпе. В его облике тоже было что-то странное: так одевались советские разведчики, работавшие в тылу врага, если судить по фильмам семидесятых годов, но уж никак не туристы, путешествующие в июле по российской провинции. Мужчина не спешил последовать за остальными, отчего-то медлил и смотрел себе под ноги. Потом он, как будто решившись, наконец поднял голову и взглянул вверх – туда, где за окном второго этажа угадывался женский силуэт.

...Женщина, судорожно сжав рукой горло, отшатнулась от окна: она совершенно ясно увидела, что у мужчины в сером плаще *нет лица*.

День первый Воспоминания о лете

*– Нас утро встреча-ает прохладой,
Нас ветром встреча-ает река.
Люби-имая, что ж ты не рада
Веселому пе-енью гудка?!*

Левушка поерзал под одеялом, устраиваясь поуютнее, и сквозь сон довольно улыбнулся: судя по исполняемому репертуару, сегодня с утра у Ба ничего не болит. В последнее время такое случалось нечасто, особенно зимой, когда какая-нибудь из обширного списка официально имевшихся у Ба болезней непременно норовила напомнить о себе. Хотя сама Ба считала себя здоровой именно потому, что у нее каждый день болело в разных местах, а не все время в одном и том же. Но если болело сильно, то она, будя Левушку, бормотала что-нибудь из репертуара Аллы Пугачевой, которую изрядно недолюбливала в последние годы, и чем короче становились юбки примадонны и моложе любовники, тем язвительнее бормотала Ба свой утренний репертуар. Но Левушка и против Пугачевой в аранжировке Ба ничего не имел, ворчливое «гложет-сердце-кручина-давит-грудь-подоконник» тоже означало, что, в принципе, все нормально. Плохо, если он просыпался от звона будильника, заведенного с вечера «на всякий случай». Таким образом, противный трезвон означал, что наступил как раз тот самый «всякий случай» и Ба не стала вставать с постели, чтобы проводить его на занятия. Это означало, что утро совсем не доброе и что ему, возможно, придется вызывать «Скорую», а Ба, конечно, будет протестовать, да он и сам понимает – что может сделать сонный и равнодушный врач «Скорой»?..

*– Не спи, вставай, кудря-авая!
В цехах звеня,
Страна встает со сла-авою
На встре-ечу дня!
И за-автрак уж почти готов,
Вставай, лентя-ай!*

– Ба, скажи мне честно: когда тебе было девятнадцать лет, тебя радовало в семь утра веселое пенье гудка? – В виде одолжения Левушка высунул из-под одеяла кончик носа и уточнил: – Зимой? И кто такой, кстати, этот Слава, с которым встает страна?

На самом деле Левушка, услышав про гудок и поняв, что сегодня все хорошо, пришел, не просыпаясь окончательно, в отличное настроение и дискуссию затеял просто так, потому что нет большего удовольствия, чем холодным зимним утром лежать в теплой постели, натянув одеяло до ушей, и капризничать, максимально оттягивая неприятный момент вставания.

– Если бы ты знал, чем я по утрам занималась в девятнадцать лет, ты бы очень удивился, – назидательно сообщила Ба. – Всем почему-то кажется, что мир начинается именно с них, и никому так по утрам спать не хотелось, как им.

– Оп-па! Чем ты занималась в девятнадцать лет? Очень-очень интересно! Всегда обещаешь и никогда не рассказываешь, – Левушка с заинтересованным видом повернулся на бок и подпер щеку ладонью. – Расскажи – встану.

– Встанешь – расскажу, – в тон ему ответила Ба.

Левушка, морщась, частично выкопал себя из-под теплого одеяла, уселся, нашарил на полу холодные тапки и только потом окончательно расстался с милой сердцу нагретой постелью.

лю. Чтобы согреться, он помахал руками и, не достигнув желаемого результата, напялил прямо на голое тело старенький застиранный свитер.

– Ну? – поторопил он.

– Когда мне было девятнадцать лет, – многообещающе начала Ба, – я по утрам не только делала зарядку, но и обливалась холодной водой. И, между прочим, ты...

– Фигушки! – испуганно воскликнул Левушка. – Не дожدهшься! Еще неизвестно, как влияет на химические процессы в организме такой выброс адреналина. По мне, так вреда больше.

– Ну, нет так нет, – покладисто согласилась Ба, довольная уже тем, что Левушка изъят из постели без особых проблем. Бывало, что ее усилия не увенчивались успехом и внук, пробормотав что-то вроде «первой парой доврачебка... а мне плевать!», падал обратно в кровать и засыпал сном младенца. – Давай зарядку делать.

Минут десять они делали зарядку – Левушка стоя на ковре, а Ба сидя на стуле – и ревниво наблюдали друг за другом. У них была давняя договоренность: Левушка добросовестно делает вместе с Ба зарядку, а она вместе с ним, так и быть, завтракает. Оба прекрасно понимали, что в добровольном порядке Левушка и рукой не взмахнет, а Ба без его присмотра на завтрак ограничится чашкой крепкого кофе и сигаретой. Взаимная выгода была налицо, и договоренность оба старались соблюдать... по мере возможности.

Завтраком оба тоже остались довольны: на сей раз не было, безусловно, полезной овсяной каши, а был гораздо менее полезный омлет с кусочками хлеба, но иногда Ба позволяла себе маленькие вольности. По телевизору две тощие длинноволосые модели делали вид, что занимаются аэробикой, а Левушка старательно делал вид, что его вовсе не волнуют их длинные ножки, туго обтянутые попки и все прочее, чем откровенно любовался оператор, злоупотребляя крупными планами в неожиданных ракурсах.

– Вот странно, запах кофе люблю, а сам кофе мне по барабану, – предпринял Левушка самоотвлекающий маневр.

– Нет такого выражения – «по барабану», следи за своей речью, – назидательно ответила Ба. – Просто ты маленький еще и ничего в жизни не понимаешь.

Зажмурившись от удовольствия, она сделала первый, самый вкусный глоток из большой белой чашки с надписью «I love coffee». Кружку подарил Левушка, поэтому день всегда начинался с нее.

– И витамины выпей, а то опять забудешь. Память хуже, чем у меня.

– А ты таблетки пила? Странная у тебя память, – поддел Ба Левушка. – Про мои витамины помнишь, а про свои таблетки – нет. Давай пей, чтобы я видел, а то я тебя знаю.

– Не пила и не буду. У меня от них голова кружится. Ты сам видел, сколько там противопоказаний. И потом, нельзя запивать таблетки кофе, а без кофе я не могу...

– Опять за свое?!

– Я тебе сто раз объясняла: в моем возрасте организму уже не надо помогать. Ему надо не мешать, он старый и мудрый, он сам справится... возможно. Шансы, во всяком случае, есть. А твоя химия его дезориентирует. И потом, современная фармацевтика – это чистый бизнес, я его поддерживать не желаю. – И Ба, вздохнув от переполняющих ее приятных чувств, отдалась наслаждению кофе.

Левушка открыл было рот, чтобы ввязаться в дискуссию – отношение Ба к лекарствам возмущало его до глубины души. Подумать только – пройдя всю войну врачом в госпитале и до семидесяти лет проработав в районной больнице терапевтом, она на старости лет сохранила веру только в антибиотики. Ну и в полезные вещи вроде перекиси водорода и зеленки. А студент-второкурсник фармацевтического факультета медицинской академии Левушка, напротив, почитал фармацевтику своим будущим призванием и ревниво следил за всеми новинками в данной области, но обратить в свою веру Ба у него никак не получалось. Вообще, они могли

препираться по этому поводу до бесконечности, но на этот раз спора не вышло. Ба, поглощенная процессом кофепития, замахала на него рукой и показала на часы.

– Ну ладно! – сдался внук. – Вечером все равно заставлю выпить что положено!

Ба покивала, блаженно принюхиваясь к кружке. Левушка улыбнулся и чмокнул ее в щеку. Он где-то читал: лицо, сморщенное, как печеное яблоко. Вовсе и не похоже. Да, лицо Ба было покрыто морщинами: на лбу, щеках и подбородке, вокруг глаз, они были все разными, у каждой – свое направление, свой характер и, казалось, своя биография, но сравнить это любимое лицо с каким-то там яблоком у него язык бы не повернулся. А вообще-то он втихомолку гордился тем, как замечательно выглядит его Ба: всегда в брючках и в блузке (блузки были парадные, к которым непременно прилагались бусы или брошь, и домашние; а халат, по убеждению Ба, допустимо надевать только после ванны), до сих пор на удивление густые волосы, правда, совсем белоснежные, красиво подстрижены (к Ба специально приходила домой девочка из соседней парикмахерской, и на ее предложения «покраситься» Ба отвечала неизменным отказом, считая это неуместным кокетством). А главное, глаза у Ба были молодые, веселые, заинтересованные. Словом, к ней совершенно не подходило глупое словечко «бабуля» или грубое «старуха». Она была – Ба. Единственная на свете, самая лучшая и самая молодая.

– Я тебя люблю, – сообщил он, протискиваясь мимо бабушки к выходу – кухня была узкой, как бутылка.

– Тогда носи шапку на голове, а не в кармане, сделай милость, зима на дворе, я же все из окна вижу, – ворчливо ответила его замечательная Ба, что в переводе означало: я тебя тоже люблю, родной мой, самый хороший на свете человек, и скучаю, и начинаю ждать твоего возвращения, как только за тобой закрывается дверь! Но на подобные нежности Ба была не щедра. Она считала, что раз уж ей, старухе, доверено воспитание внука, то она должна воспитать его настоящим мужчиной, без всяких там «сюси-пуси» и поцелуйчиков. И никогда не признавалась, что она каждый раз замирает от счастья, когда слышит Левушкино «люблю», как она ждет этого слова. Ничего, мужчина может себе это позволить, если нечасто.

– А ты не кури много, ладно? – уже из прихожей прокричал внук. – Я тебе на этой неделе сигареты больше покупать не буду, и не проси! Твой лимит весь вышел! Пока!

– Подумаешь... Здоровой все равно уже не помру, – резонно возразила Ба захлопнувшейся двери и немедленно потянулась за сигаретой. – А мне Галя купит. Или Герман Иванович.

* * *

– Солнышки! Готовьте чирики! Железные рубли у меня есть! Без сдачи никто не останется! Покупайте-успевайте, с Нового года все равно подорожают! – Бойкая тетка-кондукторша энергично протискивалась через толпу пассажиров, собирая в ладонь мелочь и раздавая направо и налево сдачу вместе с крохотными билетиками, каждый из которых зачем-то еще надлежало надорвать. Тетка была одета в потрепанную шубу из когда-то голубого, а ныне грязно-серого искусственного меха, вязаный берет, который лет пять назад можно было бы назвать мохеровым, и растоптанные валенки на резиновой подошве. Из-под берета выпрастывались круто завитые локоны неопределенного пегого цвета, что делало кондукторшу похожей на грязного пуделя. На руках у тетки красовались зеленые перчатки с наполовину обрезанными пальцами, позволявшие по достоинству оценить маникюр цвета «вырви глаз», тоже, впрочем, наполовину облезший.

Дама с кокетливой стрижкой, одетая в пуховик молодежного покроя, немедленно возмутилась:

– Вот паразиты! Как Новый год, так они цены повышают! А на выборах ввали, что все останется, как было... Это куда же мы катимся?

– А вам-то что? – парировала кондукторша. – Вы же по пенсионному ездите, бесплатно. Вон вас, льготников, полный троллейбус! А с кого мне план выполнять, спрашивается? Она на халяву ездит, причем который год, и еще возмущается!

– А вы мне не хамите! – обиделась дама в пуховике, брезгливо отстраняясь от невоспитанной кондукторши. – Откуда вы знаете, что я по пенсионному? Я вам его еще не показывала!

– Чего я – так не вижу, что ли, у кого пенсионное, у кого нет? – фыркнула кондукторша.

– Нет, это действительно хамство! Я на вас жаловаться буду! – Дама в пуховике оглянулась по сторонам, ища поддержки, но сонные пассажиры, сидя и стоя досматривавшие утренние сны, были не склонны ввязываться в борьбу за культуру обслуживания в общественном транспорте.

– А чего жаловаться-то? – Кондукторша, невзирая на тесноту, даже умудрилась каким-то образом упереть руки в бока и склочной буквой «ф» нависла над дамой, а дама отпрянула уже не брезгливо, но испуганно, вжавшись в стенку до отказа. – Если вы не на пенсии – берите билет, я тогда извиняюсь. Не берете билет – пенсионное покажите, как положено. Я же говорю: не первый год бесплатно ездите, порядки должны знать.

Дама в пуховике еще раз украдкой оглянулась по сторонам, поколебавшись, достала из сумочки пенсионное удостоверение и с ненавистью ткнула под нос кондукторше. Та равнодушно кивнула и принялась протискиваться дальше, продолжая, однако, что-то громко ворчать себе под нос про «совсем совесть потерявших, хотя и не молоденькие уже». Оставленная в покое дама деликатно зашмыгала носом в желтый носовой платочек.

Минуту спустя кондукторша протянула билет небритому мрачному мужику и в придачу высыпала ему в ладонь горсть мелочи.

– А нормальных денег у тебя нет? – поинтересовался мужик, с тоской глядя на едва уместившуюся в ладони кучу металлических кругляшков. – На паперти, что ли, стояла?

– А ты мне не «тыкай»! – мгновенно взвилась кондукторша. – Много вас тут! Вечно сами норовите все мне спихнуть, а я с полной сумкой таскайся! Размечтался!

В качестве аргумента она подняла повыше свою сумку, тяжело звякнувшую металлом. Мужик плюнул и, решив не связываться со склочной теткой, ссыпал мелочь в карман. Кондукторша, создавая вокруг себя маленькие энергетические смерчи, отправилась дальше. Симпатичному парню, опасливо протянувшему пятисотрублевую купюру, она игриво предложила купить рулончик билетов оптом:

– Солнышко, да я тебе сейчас на всю оставшуюся жизнь отмотаю! На кой черт тебе столько мелочи?

Однако, получив отказ, не обиделась и сдачу отсчитала бумажками. Озябшей девчонке вручила счастливый билетик, пообещав, что «непременно подействует», согнала с места подростка и усадила мамашу с малышом. Все это она проделывала шумно и с увлечением, неизменно ввязываясь во все конфликтные ситуации и доводя их до победного конца.

На последней площадке обнаружился безбилетник. Мужчина лет сорока сунул ей под нос какие-то корочки, кондукторшу они по каким-то причинам не устроили, и она немедленно затеяла звонкую склоку. Мужчина поначалу молчал, смотрел в окно, изучал свой сотовый телефон. Кондукторша поддавала жару, призывая на помощь общественность. Пассажиры понемногу втягивались в конфликт, принимая ту или иную сторону (платить или не платить – из вечных вопросов)... словом, поездка обещала быть нескучной.

– Приличный с виду человек! И сидит, как порядочный! Я не посмотрю на твои корочки поганые! – бушевала кондукторша. – Сейчас будет остановка, я тебя в милицию сдам!

– Иди на... – миролюбиво посоветовал мужчина, решив-таки поддержать беседу.

Кондукторша набрала побольше воздуха и, привстав на цыпочки для улучшения акустики, обложила несчастного «зайца» и всю его родню таким виртуозным матом, что вагон изумленно притих, вслушиваясь в эхо. Кондукторша, гордо поправив сползший на глаза берет,

уселась на свое место и с возвышения оглядела обалдевших пассажиров взглядом триумфатора. Выходивший на остановке потрепанный мужичок, заслушавшись, споткнулся и едва не упал. Но пока не закрылась дверь, он успел показать кондукторше поднятый вверх большой палец:

– Слышь, тетка? Круто! Уважаю!

* * *

Профессор Герман Иванович Мокроносов в это утро собирался на работу особенно тщательно. Во-первых, надел новый костюм. Собственно, новым он был пять лет назад, когда вместе с ныне покойной супругой они покупали его в военторге, готовясь к торжественным мероприятиям по поводу его семидесятилетия. Но, с другой стороны, с тех пор и надевал его профессор нечасто, лишь по особым случаям – берег. Так что костюм был, можно сказать, с иголочки, ну разве что брюки чуть-чуть сели после стирки и стали коротковаты, но это если придирается, а Германа Ивановича даже студенты никогда не считали придирой. Во-вторых, выпил двойную дозу всех полагающихся таблеток, потому что по опыту знал – от приятного волнения у него тоже запросто может подскочить давление, а сегодня это было бы особенно некстати. И в-третьих, перед уходом заглянул к соседке, чего в обычные дни тоже не делал, полагая, что беспокоить женщину рано утром – дурной тон. Но сегодня случай был особенный.

– Герман Иванович, голубчик, как хорошо, что вы заглянули, – обрадовалась она. – Я как раз хотела вас попросить... А что это вы сегодня таким франтом? День рождения? Так ведь он же у вас после Нового года, я точно помню – третьего января... – Соседка, добрая душа, говорила чуть громче, чем обычно, знала, что Герман Иванович слышит плоховато, хотя и скрывает это изо всех сил.

– Нет-нет, до дня рождения действительно еще неделя. Извините великодушно, Елизавета Владимировна, что беспокою вас так рано...

– Да что вы, голубчик, какой сон в наши годы? Я с пяти утра на ногах, все боялась Левушку разбудить. Что вы хотели?

– Посмотрите, пожалуйста, все ли в порядке – женским, так сказать, глазом. А то, когда собираешься сам, можно что-то и упустить. Наташенька, покойница, меня всегда перед уходом на работу осматривала со всех сторон, мало ли что может случиться – пятно где-то или шов разошелся.

– И совершенно правильно делала, – подтвердила соседка, поворачивая профессора так и сяк. – Все в полном порядке! Впрочем, как всегда! Отлично сидит. Разве что брюки... – Соседка ухватила брюки за бока и энергично дернула книзу. Герман Иванович застенчиво ойкнул. – Вот теперь идеально. У вас фигура, как у юноши. Нынешние мужчины взяли моду набирать вес после тридцати.

– А галстук этот... Как по-вашему – не слишком кричащий? – озаботился визитер и добавил, оправдываясь: – Сын подарил. Может, все-таки лучше старый надеть? Тот, с красными полосками?

– Нет, по-моему, не стоит. Он уже слишком старый. И вот на нем-то точно пятно, мы еще в прошлом году, весной, когда вы, голубчик, ходили на вручение дипломов, пытались его отстирать, но у нас ничего не вышло. Да разве вы его не выбросили? Мы же еще тогда решили – выбросить!

– Нет, жалею все, – виновато развел руками профессор. – Так привыкаешь к вещам.

– Ну, подарите мне, – предложила соседка, – а я выброшу. Мне не жалко. Шучу-шучу! Оставьте этот галстук. Сейчас даже дикторы программу «Время»... или как ее там теперь... ведут в розовых галстуках. Так что у вас сегодня за праздник?

– У меня сегодня лекция... особенная! – поделился радостью профессор.

– «Классическая марксистская теория в интерпретации современной философской мысли», – проявила незаурядную осведомленность соседка. – Так, кажется?

– Совершенно верно! – радостно закивал Герман Иванович, как будто услышал что-то очень приятное. – Вы же понимаете, что это для меня значит! Первокурсники – почти дети, – и я должен познакомить их с удивительными высотами философской мысли, которые могут в корне изменить их мировоззрение!

– У нынешних первокурсников вообще нет никакого мировоззрения, так что и менять им нечего, – проворчала себе под нос соседка и добавила погромче: – Вы совершенно правы, только, ради бога, не увлекайтесь слишком, поберегите сердце. Их мировоззрение не стоит вашего здоровья.

– А вот это еще как сказать, как сказать! Если нужно, я готов пожертвовать... Но я двойную дозу всех таблеток принял, на всякий случай.

– И совершенно напрасно! – рассердилась соседка. – Герман Иванович, голубчик, сколько вам можно повторять: нельзя этого делать! Твержу-твержу, и все как об стенку горох! Ладно, идите, а то опоздаете, не дай бог, а уж вечером мы с вами поговорим на эту тему.

– В восемнадцать тридцать, как обычно, – заторопился профессор. – Буду без опоздания!

* * *

Художник Пустовалов сидел перед мольбертом, на котором красовался белый лист бумаги. Совершенно, абсолютно, безупречно белый. Как снег. Этот снег пугал Пустовалова своим торжествующим сиянием, от него исходил физически ощутимый холод. Пустовалов зябко вздрогнул и попытался натянуть на заледеневшие пальцы рукава старого, изношенного до дыр свитера. Это не помогло. Но если пальцы уже почти не шевелятся от холода, то как же он будет рисовать, когда наконец вспомнит?! Испугавшись этой мысли, Пустовалов решил пойти на кухню и согреть чайник. Выходя из комнаты, он выключил свет – надо экономить, по счетам за электричество он не платил уже очень давно, и уже дважды вешали на дверь их подъезда объявление с угрозой отключить электричество у должников. Правда, оба объявления он потихоньку сорвал и выбросил, и это, судя по всему, помогло, но кто знает, что будет дальше? Вот если бы он нарисовал картину, ее непременно купили бы: месяца два назад... или три... тогда еще было тепло, это точно... к нему приходила дама из галереи, они были знакомы раньше, но он никак не мог вспомнить, как ее зовут – то ли Жанна, то ли Кристина... Так вот, эта дама говорила, что адрес дала ей его жена, что на его картины есть покупатель, кто-то хочет оформить интерьер своего офиса именно его, Пустовалова, картинами, и это было очень приятно слышать. Но тогда у него не было картин, все куда-то подевались при переезде. Эта самая Кристина... или Жанна, даже оставила аванс – вот тогда он и заплатил за квартиру, купил бумагу и краски и еще дал кому-то взаймы... а на электричество уже не хватило. Кажется, это было давно... еще осенью. Точно, как раз накануне как-то разом пожелтели листья стоявшего под окном клена, он заметил. А обещанные картины так и не нарисовал, не смог, и это его ужасно беспокоило.

В крошечное, под потолком, кухонное оконце пробивался дневной свет. Странно, удивился Пустовалов. Когда он садился за мольберт, была ночь, за стенкой еще работал телевизор. Неужели он всю ночь просидел перед этим проклятым белым листом – и напрасно? Заварка еще оставалась на доньшке жестяной банки, а вот сахара давно не было. Зато было варенье, которым его угостила соседка, и был хлеб. Вкусно пахнущая круглая буханка, и это тоже было удивительно, потому что Пустовалов никак не мог вспомнить, чтобы он ходил вчера за хлебом. Оказалось, что он ужасно голоден. Так голоден, что у него даже не хватило терпения нарезать

хлеб на ломти. Торопясь, он ломал его на куски, макал в налитое на блюде варенье и ел, ел... Потом выпил большую кружку обжигающего чая и понял, что, кажется, согрелся.

Он вернулся в комнату, отдернул старое одеяло, игравшее роль портьеры, и в комнату робко проник неуверенный свет зимнего дня. Пожалуй, уже десять утра, не меньше. Часов у него не было, точнее, были, но в них давным-давно сели батарейки. Кажется, говорят, что счастливые часов не наблюдают. Стало быть, он счастливый – усмехнулся Пустовалов, опять подошел к мольберту и уставился на белый лист бумаги. Вспоминай – приказал он себе. Он должен был вспомнить лето. Летом было тепло, у него не мерзли руки. Летом он жил в доме, выходящем окнами на городской пруд, и по утрам солнечные блики, отражаясь в воде, играли на потолке комнаты. Летом у него в голове было полно идей и планов. В каком году было это лето – в прошлом? В нынешнем? Он не помнил, да это и неважно. Важно то, что летом рядом были жена и сын Димка. И они с Димкой ходили в зоопарк, а потом он учил Димку рисовать зверей. Да! Зверей... Лихорадочно разбросав листы, занимавшие весь угол комнаты, Пустовалов нашел то, что искал – на Димкиных рисунках застенчиво улыбался оранжевый жираф, щурился толстый голубой бегемот, зевал от скуки лохматый желтый лев, и висела вниз головой озорная зеленая мартышка. Множество своих картин он при переезде растерял, а эти, Димкины, сберег... Из-за них все и началось. А вернее, закончилось... Нет-нет, про это не надо.

Он вспомнит. Вспомнит и нарисует картину, которую почти постоянно видит перед собой: старый, дореволюционных времен, парк бывшей усадьбы купцов Харитоновых-Расторгуевых, потом Дворца пионеров, так и не ставшего для горожан Дворцом творчества учащихся, круглое озеро с островком посередине и перекинутым на островок выгнутым мостиком, на островке – белоснежная, невесомая, будто парящая над водой, ротонда. Гуляя с сыном в парке, он видел – летом туда приходят женихи с невестами. И придумал так: жарко, летит тополиный пух, будто снегопад, и невесты парят в воздухе над устремленной ввысь ротондой, над озерком, как белые пушинки, от переполняющего их счастья. А женихи – может, с ними за ручку летают, может, на мостике стоят, ждут, а лететь – то ли боятся, то ли не умеют. Но жарко и солнечно у него никак не получалось. Холодно было. Он все время мерз, и из-за этого ничего не получалось. И еще он никак не мог передать то ощущение счастья, от которого человек легко может взлететь. Хотя раньше он знал, как это делается, и сам мог запросто...

Пустовалов засучил рукава и, пока опять не начали замерзать руки, решительно взялся за кисть. Теперь у него получится. Должно получиться! А когда он напишет эту чертову картину, на которой все летают от счастья, у него все наладится. И жена с Димкой опять будут дома. И будет лето.

* * *

Рабочий день в риелторском агентстве «Новая квартира» подходил к концу. Собственно говоря, все сотрудники уже разбежались – кто встречаться с клиентами, кто по своим делам, которых перед Новым годом – пруд пруди. Но директор «Новой квартиры» Дмитрий Ключев пунктуальное сидение сотрудников на стульях не приветствовал: волка и риелтора, как известно, ноги кормят. Единственное, чего он не терпел, так это непорядочности в делах. Назначить встречу клиенту и опоздать, а то и вовсе не прийти, ссылаясь на пробки и забывчивость, ужулить тысчонку баксов себе в карман помимо кассы, небрежно оформить документы – такого он не прощал и с недобросовестными сотрудниками расставался моментально. «Сначала вы работаете на свою репутацию, потом репутация работает на вас!» – такой лозунг красовался над его рабочим столом и, по мнению Ключева, положительно влиял на имидж фирмы, так как предполагалось, что агентство «Новая квартира» уже давно находится на втором этапе взаимоотношений с капризной дамой Репутацией.

На работе оставалась только секретарша Нина Васильевна, но ее он как раз собирался отослать. Нину Васильевну он холил, лелеял и берег от переработки, потому что она тоже была частью имиджа фирмы. Представьте чувства клиента, который впервые переступал порог фирмы и видел в приемной (а ведь далеко не в каждом агентстве вообще есть приемная!) не вертлявую девицу с модельной внешностью, которая ни у кого не вызывает доверия, а пожилую даму в старомодных очках и с волосами, стянутыми в низкий узел на затылке. К ней немедленно проникались симпатией, рассказывали обо всех печалях, как маме или любимой первой учительнице. Кроме того, в делах фирмы Нина Васильевна соблюдала скрупулезную порядочность, поэтому представить, чтобы у нее пропала хоть самая ничтожная бумажка, было так же невозможно, как узреть айсберг посреди городского пруда. Именно поэтому Нину Васильевну надлежало спроводить домой, дабы не загружать лишней информацией.

Задуманный маневр осуществился неожиданно легко – оказывается, сегодня к Нине Васильевне дочь привела внука-второклашку, и парень скучал в одиночестве, ожидая бабушку. Отечески пожурив Нину Васильевну за неумеренный трудовой энтузиазм, Ключев отправил секретаршу домой, заверив, что сумеет поставить офис на сигнализацию, а если не сумеет, то перезвонит ей и проконсультируется. Когда Нина Васильевна отбыла, Ключев отправился к себе в кабинет и взялся за телефонную трубку:

– Привет! Да... Ты будешь? Да ладно, ладно, я знаю, что ты никогда... Просто полчаса уже осталось. Все, лады, жду!

И действительно уселся ждать, прокручивая в голове варианты и заранее нервничая, как это бывало всегда при получении крупного заказа. Не то чтобы Ключев был жаден – хотя денежки, конечно, любил, – не без этого. Просто он был азартен, и если ему в руки попадало серьезное интересное дело, в нем просыпался профессионал, он испытывал драйв, легко выстраивал сложные схемы, просчитывал варианты, при необходимости на ходу менял планы. И, как правило, одерживал победу. А деньги были лишь одной из составляющих трудной виктории. Нет, жадным он точно не был. Не убивался по поводу проигрышей в зале игровых автоматов – ведь порой он и выигрывал! Легко тратил деньги на женщин, и женщины его за это любили. Да... Хорошие машины всегда предпочитал. Отдыхать любил у теплых морей – чтоб сидеть на берегу и пить коктейль, непременно через трубочку. Он так с детства мечтал, и вот – осуществилось. Копить и расчетливо вкладывать он не умел. Хотя прекрасно знал, что те, кто начинал вместе с ним в этом бизнесе, уже давно, заработав стартовый капитал, сменили род занятий и теперь занимались чем-то менее хлопотным и более доходным. Ну да не беда. Если он удачно провернет это новое дело, то сможет прикупить наконец несколько однушек да пару-тройку офисов в долежке, сдавать их в аренду и иметь денежку на крайний случай. Или помещение под магазин хорошо бы. Мало ли как оно может сложиться, сколько можно жить сегодняшним днем...

– Стареешь, брат, – усмехнулся Ключев своему отражению в стеклянной дверце книжного шкафа. – Раньше все больше о девках думал, а теперь вот о каком-то «крайнем случае»...

В общем, это дело для него важное. Выгорит так, как он рассчитал – можно будет и расслабиться. А не выгорит... Об этом Ключев думать не хотел. Заказчик – мужик серьезный. Если он, Ключев, его подведет, тот с него семь шкур сдерет. И голым в Африку пустит, только без девок и коктейля через трубочку. Поэтому Ключев должен и заказчику угодить, и себя не обидеть, тем более что тот сказал, нарисовав на листке сумму, от которой у Ключева приятно засосало под ложечкой:

– Это я готов потратить на все про все. Если на ком сэкономишь – можешь мне не докладывать. Потому как меньше знаешь – крепче спишь. Твои дела. Если что – сам за них и отвечать будешь, а я не в курсе. Понял? Молодец! Работай.

Ключев вздохнул, прогоняя сомнения, и загадал: если первой придет Ленка, то все будет о'кей, а если Ларькин... Но додумать не успел, потому что в дверь позвонили, и он потащился

открывать, втайне надеясь, что это Ленка забыла ключ. Но Ленка никогда ничего не забывала и не опаздывала, просто участковый Сергей Ларькин приперся раньше назначенного времени. Пришлось кипятить для него чайник, доставать из холодильника какие-то бутерброды.

– Ничего, если раньше начнем? – спросил Ларькин, пристраивая на край клюевского стола кружку, тарелку с бутербродом и папку. – А то мне в восемь надо за сыном в секцию. Еще ехать, пробки...

– Ничего, – проворчал Ключев, неожиданно расстроившись (вот ведь влетит же такая чушь в голову). – Только придется тебе все повторять для моего сотрудника.

– А ты запомни и сам повтори, – нахально посоветовал Ларькин и с удовольствием отхлебнул чай. – Он у тебя не сильно тупой, сотрудник этот?

– Не он, а она. И я не сильно тупая, вполне даже ничего, – включилась в беседу влетевшая в кабинет Елена. – Дима, ты чего на меня так смотришь? Без двух минут семь. Я не опоздала, хотя черт знает, чего мне это стоило. Так «Лендровер» подрезала, что... Мне чаю нальете?

Ларькин, несколько не смутившись, углубился в бутерброд – Ленка Жданова была не из тех дам, которые приковывают внимание мужчин. Худая и длинная, она никогда не носила юбок и туфель на каблуках, зато обожала джинсы и мужские рубашки. Может, они, конечно, были и женские, Ключев не больно разбирался, во всяком случае, никаких особых вырезов, рюшек и чего-то эдакого он на них никогда не замечал. Ключев Ленку обожал и этого не скрывал, но в конторе никогда не ходило сплетен по этому поводу: кто может заподозрить шефа в том, что он спит с мини-трактором? Еще Ленку называли «мужиком в юбке», «атомной станцией» и «селедкой», но строго за глаза, потому что от нее запросто можно было и по морде схлопотать. Тем более что и Ключев обожал Ленку исключительно как сотрудницу. Для нее не было невыполнимых заданий. Если она бралась за дело, то дожимала клиента так, что он соглашался на самые удивительные и невыгодные для себя варианты. Энергия, которую обрушивала на бедного покупателя или продавца Лена Жданова, была сокрушительной, и сопротивляться ей было бесполезно. Глядя на то, как Ленка энергично пьет кофе и уплетает бутерброд, Ключев расслабился: Ленка его не подведет, вместе они – сила. А он ей денежек отстегнет, не пожадничает. Деньги ей нужны до зарезу. Она недавно квартиру купила в элитном доме и отделку до сих пор не закончила. На днях хвасталась раковиной за сорок с лишним тысяч. С раковиной ее надули, привезли из Италии металлическую, а она хотела из санфаянса, так она такой скандал устроила, в суд подала – короче, вернули ей пятьдесят и еще от себя десять добавили, лишь бы отвязалась. Теперь она натяжными потолками недовольна, спрашивала, нет ли у кого знающего эксперта по строительству, и Ключев заранее смеялся, предвкушая, какое искрометное шоу ожидает самонадеянных строителей, с ходу отказавших ей в полной переделке.

Ларькин отряхнул крошки на паркетный пол и открыл свою папку. Бумаг в ней было негусто, точнее, одна-единственная. «И в карман бы вошла, – неприязненно подумал Ключев, – а он с папкой ходит, пальцы гнет». Не нравился ему этот Ларькин, и все тут. А как еще, скажите на милость, порядочный и почти законопослушный гражданин может относиться к менту, который берет деньги у бандитов и продает им досье на порядочных и законопослушных граждан, вверенных его попечению? Участковый капитан Ларькин именно этим и занимался и явился в «Новую квартиру» как раз затем, чтобы Ключеву это досье передать. «Одна радость, – мрачно подумал Ключев, – что не мне пришлось платить». Еще чашку за ним мыть!

– Ну, давай, капитан, начинай, что ли, – поторопил он Ларькина. – Сам же спешил. Лен, ты записывай. Потом обсудим, что и как.

– Итак, – приступил к делу участковый, – что мы имеем... Мы имеем двухэтажный дом на улице Бажова, 148, корпус 2. Довоенная постройка, капремонта никогда не было. До прошлого года на первом этаже был зал игровых автоматов, чей – вы знаете.

– Знаем, – дружно покивали слушатели.

– Автоматы в прошлом году закрыли, так как вышел закон...

– Давай дальше, – невежливо перебил Ключев. – Ты говори то, чего мы не знаем. Что ты нам тут лекцию читаешь?

– Мне сказано – я и докладываю по порядку. А чего ты такой нервный? – удивился Ларькин и с удовольствием допил чай. Заглянул с сожалением в опустевшую кружку, но добавки ему никто не предложил. Ларькин вздохнул и продолжил: – На втором этаже четыре квартиры: трехкомнатная, двухкомнатная и две однокомнатные.

Ключев со злостью вскочил, вывел на экран компьютера все данные о доме по адресу улица Бажова, 148, корпус 2 и повернул монитор к Ларькину.

– Дима, успокойся, – сказала Ленка и повернулась к участковому. – Сколько человек прописано и сколько живет?

– Пятеро. Гражданка Воронова Елизавета Владимировна тысяча девятьсот девятнадцатого года рождения, ее внук, студент Канторович Лев Маркович – в трехкомнатной. В двухкомнатной – гражданин Мокроносов Герман Иванович, тысяча девятьсот...

– Погодите, я не поняла, – удивилась Ленка, – это сколько же ей лет, Вороновой? Я так не могу сосчитать, мне калькулятор надо.

– Вороновой – восемьдесят восемь, – на минуту задумавшись, подсчитал участковый. – Деду – семьдесят пять, что ли.

– Ого! – удивилась Ленка и многозначительно посмотрела на Ключева.

– В однокомнатной, – продолжал участковый, – гражданка Харитонова Галина Павловна, тысяча девятьсот сорок девятого года. В другой однокомнатной – гражданин Пустовалов Алексей Николаевич...

– И тоже родился на заре прошлого века? – заинтересованно спросила Ленка.

– Нет, ему тридцать восемь, – сверился со своей бумажкой Ларькин.

– Так, – подвел итог Ключев. – Две старухи, старик, студент и один мужик средних лет. Теперь давай по персоналиям.

– Воронова – пенсионерка, участница войны, – приступил к делу Ларькин. – Лев Маркович ей, по сути дела, не внук.

– Как так? – удивился Ключев.

– Он сын ее родственницы. А она жила в Москве, приехала, когда этот самый Лев родился. Я только на этом участке работать начинал. Мать уехала из страны, то ли замуж вышла, то ли еще что, короче, она здесь уже не прописана. Квартира у них большая, в свое время переделана из коммуналки, из пяти комнат сделали три. Парень учится в медицинском. Невоеннообязанный. Больше ничего сказать не могу.

– Задолженность по квартплате? – деловито уточнила Ленка.

– У этих нет. Есть у Пустовалова. Он художник... бывший. Сейчас не работает нигде и пьет.

– Это хорошо... – задумчиво протянул Ключев. – Хорошо, что пьет. А он, значит, один прописан?

– Он год назад прописался. Вроде развелся с женой. За квартиру с осени не платил. Я с ним разговаривал уже. По-моему, он немного того... с приветом. Хотя на учете не стоит.

– В чем выражается? – заинтересованно уточнил Ключев.

– Летом взял и забор вокруг помойки разрисовал – пальмы там, море, лодка. И трансформаторную будку. Там мартышки, попугай, лев, что ли. Бабочки еще.

– Понятно, – кивнул Ключев и сделал на своем листочке пометку. – Бабочки, значит, на помойке. Так. Что там за бабка с дедом?

– Харитонова тут прописалась год с лишним назад. На пенсии. Но работает... иногда.

– Почему иногда? – сразу насторожилась Ленка.

– Пьет, – как бы с неохотой пояснил участковый: Ленкин интерес ему не понравился. – Еще сын у нее есть, но...

– Что – но? – поторопил его Ключев. – Что ты тянешь кота за хвост?

– Срок он отбывает. Ему еще года два сидеть. Или три.

– Отлично, стало быть, с ним проблем не будет, если что, – задумчиво кивнул Ключев.

Расклад ему начинал нравиться. – А дед что?

– Тоже одинокий. В этом доме всю жизнь живет. Работает в университете. Жена умерла несколько лет назад. Есть сын, но живет в Дубне, под Москвой. Недавно завещание хотел писать – со мной советовался. Я сказал, что если сын один, то можно и не писать, и так все ему останется. За квартиру платит аккуратно.

– Это ты правильно сказал, – похвалил Ключев, – насчет завещания. Считаем еще раз: старик, старуха, студент и два алкоголика. А что, старик-то крепкий? Чего он про завещание-то заговорил?

– Нормальный старик, – неприязненно ответил участковый. Похоже, Ключев ему тоже не нравился. – Кстати, Харитоновна пьет не особенно. В смысле, не каждый день. Зато матерится, когда выпьет, – уши вянут! – неожиданно ухмыльнулся он.

– Что мы имеем... – рисовал кружки и стрелки на листке Ключев. – Лен, смотри: старухе с внуком придется трешку сделать, но можно на окраине или в хрущевке, ну пусть даже в брежневке – как захотят, ремонта-то у них сто лет не было, наверняка крыша протекает и все такое.

– Протекает, – подтвердил участковый. – Но они в ЖКО жаловались, там осенью подлатали – летом видно будет...

– Деду однокомнатную подешевле, – продолжал Ключев. – И денег на ремонт, чтоб не вякал. Тыщи две баксов, не больно он и соображает. А вот насчет бабки с художником надо думать...

– Так, у меня одно условие, – неожиданно посерьезнел Ларькин. – Дело свое делайте, раз заказ у вас. Но чтоб на моем участке без криминала.

– А ты чего взъелся-то? – удивился Ключев. – В первый раз, что ли, работаем? Первый этаж расселяли, ты, помнится, помалкивал. Нет?

– Не в первый, – глядя в пол, отрезал участковый. – Но мне до пенсии полтора года. И я хочу уйти нормально. Вы поняли? Чтобы ничего такого.

– И куда ты потом, пенсионер? – все-таки давая волю раздражению, осведомился Ключев. – В вахтеры? Или к Новикову в охранники? Думаешь, я не знаю, как ты его прикрывал, когда у него в этом самом доме игровые автоматы стояли? А теперь он весь дом по дешевке купить решил, народ выкинуть, и ты ему по доброте душевной помогаешь? Сколько взял-то, а? Скажи, мы вон с Еленой позавидуем...

– Сколько взял – все мое! – взбеленился участковый. – Свои бабки считай! Мое дело – вам информацию дать, – я дал, в этом противозаконного нет. А вот вы, если что-нибудь на свою задницу придумаете...

– Тихо, мужики, чего вы, в самом деле, – хлопнула рукой по столу Ленка, и мужчины уселись, сверля друг друга взглядами. – Вы не волнуйтесь, капитан, никакого криминала не будет, теперь не девьяностые годы. Будем с людьми разговаривать, убеждать. Это уже наши внутренние дела, вам о них и знать необязательно, так ведь, Дмитрий Сергеевич?

– Меньше знаешь – крепче спишь, – повторил Ключев недавно слышанную фразу.

Участковый поднялся, небрежно кивнул Лене и, не подавая руки Ключеву, направился к выходу. Но в дверях задержался и с удовольствием сообщил:

– Вы со старухой этой, с Вороновой, поаккуратнее. Она, чуть что – норовит жаловаться, звонить везде. Знакомых у нее – прорва, ветеранские организации, журналисты опять же... Сколько мне крови испортила, когда у них игровые автоматы были! И вам попортит! Счастливого оставаться!

– Вот сволочь! – от души высказался Ключев, когда участковый вышел из офиса, о чем сообщил услужливый колокольчик над входом. – И денег взял, и чистеньким хочет остаться. Он у этого Новикова на зарплате был все годы, пока зал игровых автоматов в доме работал. С нами вместе алкашей выкидывал с первого этажа, когда Новиков там квартиры скупал. И теперь шестерит, а от нас нос воротит.

– Да ладно тебе, – отмахнулась Лена, которая уже потеряла интерес к участковому. – Чего ты к нему привязался? Каждый зарабатывает, как может. Ты же на Новикова не гонишь? Он и нам заработать дает. Давай по делу.

– Ну что... Про старуху с внуком понятно, будем торговаться. С этим дедом... Мокро-носковым тоже можно работать. Слушай, надо про его здоровье поподробнее узнать. Может, за ним уход нужен? А там и завещание составить.

– Дима, а что нам завещание даст? – наморщила лоб Лена. – Он, может, еще сто лет проживет, а нам расселить надо за два месяца, ты же сам говорил.

– За месяц, Лен, – сморщился Ключев. – Новиков вчера звонил, говорит, что покупатели на землю под домом есть, но они больше месяца ждать не могут. Ну полтора, с учетом новогодних праздников.

– Ничего себе... – присвистнула Лена.

– Вот и я о том же. Ладно, начнем пока варианты подбирать, а там видно будет. Ты не дергайся, если что, я сам справлюсь, есть люди. Все аккуратно будет, мне сидеть неохота, сама понимаешь.

– Дим, ты что? – серьезно глядя на него, спросила Лена и повторила с нажимом: – Сейчас другие времена.

– Да шучу я. Бабке, у которой сын сидит, нальем стакан коньяка – она нам что угодно подпишет, и отправим ее на свежий воздух, в частный домик в Таборинском районе. Там с девяностых годов много таких поселилось, как ты помнишь. А ей не все равно, где водку пить? Там даже собутыльников больше. Надо узнать, кстати, где сын сидит, там колония рядом – будет передачи носить, – развеселился Ключев. – И художнику нальем. Думаешь, его тогда не устроит пара комнат в бараке под снос? На Уралмаше, на Коммунистической два стоят, если еще не упали – зато как бы с мастерской, это круто, они об этом все мечтают. Этот, тем более, неадекватный, как Ларькин сказал. А там, глядишь, барак снесут, он от государства квартиру получит, нам спасибо скажет. Если раньше не сопьется. Знаем мы этих творческих людей, повидали – шваль, хуже бомжей. А иначе его отсюда за долги выселят в тот же барак. Ты давай завтра-послезавтра проводи собрание жильцов, и начнем работать. Только не говори, что ты из агентства.

– Не учи ученого, – огрызнулась Ленка.

– Да, конечно. Я завтра этому Ларькину позвоню и заставлю с тобой на собрание сходить.

– Зачем? Да и не пойдет он, – удивилась Ленка.

– А для солидности. Тебе больше доверия будет, если ты вместе с представителем власти придешь. Старики это уважают. И Ларькин придет как миленький, раз деньги взял – пусть отработывает. Мне Новиков сказал, что участковый будет нам оказывать всякое содействие, – это Ключев сказал через губу, явно передразнивая. – Вот и пусть оказывает. Заодно и проследит, чтоб криминала не было на его участке.

– Ладно, сегодня на обратном пути повешу объявление, и завтра начнем работать, – согласилась Ленка. – Только вот не нравится мне твое настроение, Дим...

* * *

К шести вечера уже наглухо стемнело, впрочем, день был такой, подумала Ба, что вроде бы и не рассветало: так, сменился черный цвет ненадолго на блекло-серый, а теперь опять

вернулся. Она уже с час сидела возле окна, как шутил Левушка, «на капитанском мостике», и обозревала окрестности. Комната была очень большая, но странной, неправильной формы, как, впрочем, и сам дом – он тоже весь был странный и неправильный. Торец дома, где располагалась их с Левушкой квартира, был полукруглым, с семью большими, от пола почти до потолка, окнами по периметру. Два окна были в ее комнате, два – в Левушкиной, и три – в гостиной, где она как раз обосновалась, наблюдая, как гаснет день и торопятся домой люди. Благодаря необычному расположению окон у Ба и в самом деле был обзор, как у капитана корабля на мостике.

По неширокой улице сплошным потоком медленно двигались усталые машины. Одно за другим зажигались окна дома напротив. За время, проведенное на «капитанском мостике», Ба уже немало узнала о привычках многих обитателей квартир второго и третьего этажей (на первом был магазин), хотя, наверное, ни за что не узнала бы их, встретив на улице. Справа был виден проспект Ленина, там расцвеченная красными и желтыми огнями лента машин была еще шире и ползла медленнее. По тротуару шли люди, но, поскольку фонари еще не зажгли, были видны только черные силуэты: мальчишки, бегущие домой со второй смены, девушка, балансирующая на высоких каблуках, бабушка с малышом, мужчина с елкой... И правда, скоро ведь Новый год! Как невероятно быстро идет время, ведь и прошлый Новый год был, кажется, совсем недавно. Но о скоротечности времени Ба думать не любила, это ее расстраивало. И она стала думать о приятном – о Левушке.

Левушка придет сегодня поздно: в какой-то фирме в громадный аквариум со скатами очередной умник долил воды из-под крана. И Левушка отправился спасать несчастных рыб. Или скаты – это не рыбы? Кто их разберет. В аквариуме, который стоял в Левушкиной комнате, вообще жили пираньи – миленькие спокойные рыбки с чешуей, будто усыпанной блестками. Ба относилась к ним с симпатией до тех пор, пока не посмотрела передачу про их сородичей, живущих на вольных хлебах где-то в Амазонке, и с тех пор обходила аквариум стороной, даже пыль не вытирала – обойдутся, людоеды! Куда больше ей нравилась печальная, похожая на сундучок рыбка со смешным названием «рогатый кузовок», обитавшая в аквариуме по соседству. Впрочем, о вкусах не спорят, к тому же на проклятых пираний отчего-то был большой спрос, и Левушка время от времени продавал своих питомцев богатым людям, желающим таким замысловатым образом украсить интерьер офиса или квартиры. Но поскольку ухаживать за дорогостоящим и капризным приобретением никто не умел, новые владельцы обращались за помощью в фирму «Аква-дом», где Левушка работал уже четыре года. Внук еще в девятом классе понимал в рыбах больше, чем какой-нибудь выпускник биофака, с гордостью и умилением подумала Ба. Мало того, что учится на повышенную стипендию – это в медицинском! – так еще и деньги зарабатывает, ни у нее, ни у матери не просит.

Увлечение рыбами у него от отца. Как все-таки странно иногда проявляется наследственность! Левушкин отец, Марк Иосифович, тоже очень любил рыб, правда, в отличие от сына, совершенно бескорыстно. Он ловил на удочку маленьких, ни на что не годных рыбешек в пригородных прудах, этих несчастных не ели даже соседские кошки. Левушкина мама, жена Марка, эту мелочь тоже в руки не брала и увлечение мужа не поощряла. Поэтому Марк (Ба, несмотря на то что приходилась ему кем-то вроде тещи, своего «вроде бы зятя» любила и звала Мариком) эту рыбу связками сушил на балконе, а потом использовал как наживку для ловли раков. И Ба, и Левушка ужасно любили эти совместные летние поездки за раками. С утра Марик ставил сети, о которых они благополучно забывали до вечера, и они сидели на берегу, выдумывали всякие игры, собирали цветы или ягоды – смотря по сезону, ели бутерброды, пили парное молоко, купленное у местных старушек, орали песни. И никто на них не ворчал, не требовал, чтобы они «занялись делом» и «не валяли дурака». Под вечер они доставали сети, радостно рассматривали добычу, радуясь особо крупным и сердитым экземплярам, а потом выпускали всех пленников на волю и на электричке ехали домой, усталые и довольные прожи-

тым длинным летним днем. Брать раков домой было как-то не с руки, не варить же их живыми и уж тем более не ждать, пока они умрут. В общем, «рыбалкой» были неизменно довольны не только Левушка, Ба и Марик, но и раки.

Придя в отличное настроение, Ба посмотрела на часы – вот-вот придет Герман Иванович, который никогда не опаздывал. Старшее поколение, что ни говори, к порядку приучено. Вот и она сама ни разу в жизни не опоздала на работу. И не взяла ни одного больничного. «Если врач болеет гриппом – это неинтеллигентно», – любил говорить заведующий их поликлиникой Семен Михайлович Шац, коренной москвич и врач в четвертом поколении. Она всегда с ним соглашалась, потому что уважала безгранично за профессионализм и преданность делу, кроме того, завполикликой был фронтовик, как и она сама. Эта абсолютная преданность делу в конце концов сыграла с ними обоими злую шутку. Когда Шацу исполнилось семьдесят пять, прямо в день юбилея к нему приехали из горздрава, вручили грамоту и сервиз, поблагодарили за «многолетний самоотверженный труд» и... представили коллективу нового заведующего. Семен Михайлович отправился домой и вечером умер от обширного инфаркта, так и не распаковав подарки и не поставив цветы в вазы. Через неделю новый заведующий отправил «на давно и честно заслуженный отдых» и участкового терапевта Воронову.

Жизненная перемена ее оглушила. Неизвестно, сколько дней или недель Ба (тогда она еще не знала, что она – Ба, и все звали ее длинно и солидно Елизаветой Владимировной) сидела в одиночестве, почти не выходя из дома и не зная, чем себя занять. Возникшая пустота казалась катастрофической. Кроме работы, в ее жизни ничего не было – ни семьи, ни детей, ни увлечений, так уж сложилось. И зачем, собственно, жить дальше – она не имела ни малейшего представления. И тут позвонила Валюша из Свердловска. Валюша была ей, кажется, внучатой племянницей, не то седьмой, не то восьмой водой на киселе. Но, приезжая в Москву в командировки, Валюша всегда останавливалась у родственницы, еще они по праздникам регулярно посылали друг другу открытки. Валюша, узнав, что Елизавету Владимировну отправили на пенсию, отчего-то обрадовалась. Оказывается, Валюша вышла замуж и в связи с этим задумала сложный квартирный обмен. А пожилая одинокая родственница могла бы стать элементом в этой многоступенчатой комбинации: если бы Елизавета Владимировна согласилась жить с ними вместе, то ее квартиру в Москве и квартиру Валюшиного мужа они могли бы обменять на «очень хороший вариант».

Так ничего и не решив, Елизавета Владимировна, сама того не ожидая, согласилась приехать в Свердловск – просто чтобы переменить обстановку, собраться с мыслями, ведь она даже в отпуск никогда не ездила, а Свердловск, где она не была, пожалуй, с конца семидесятых, все-таки был ее родиной, там похоронены родители. Нет, она не собиралась так круто менять свою жизнь, к тому же прекрасно понимала, что если она согласится, то вскоре станет всем обузой и все будут ждать, когда семидесятилетняя старушка отправится в мир иной, окончательно освободив наконец жилплощадь. Валюша все просчитала: кроме нее, у Вороновой родственников нет, а сама уезжать в Москву она не хотела... короче говоря, хорошая квартира в старом доме на Остоженке пропала бы за просто так. Потом оказалось, что Валюша беременна, и Елизавете Владимировне, подавленной своей ненужностью, перспектива возиться с малышом показалась настоящим подарком судьбы. Марик ей тоже понравился: милый интеллигентный молодой человек из хорошей семьи, ученый, как говорили, подающий большие надежды.

Но точку в ее колебаниях поставил... дом. Когда она увидела этот дом на улице Бажова, в котором Валюша намеревалась сделать себе квартиру, расселив две коммуналки, то поняла бесповоротно – это судьба, которой зачем-то понадобилось вернуть все на круги своя. И она покорила судьбе.

Воспоминания Ба прервал звонок в дверь. На часах было минута в минуту восемнадцать тридцать, стало быть, это не кто иной, как Герман Иванович, пунктуально явившийся на традиционный вечерний чай.

Стол уже был накрыт: нарядная скатерть, красивый, белый с красными маками, сервиз, в вазочке на высокой ножке – малиновое варенье, в плетеной корзинке – печенье. Сахар большими кусками неправильной формы, как любил Герман Иванович. Ба не признавала чая в пакетиках, заваривала «настоящий чай», добавляя заготовленные с лета смородиновые и вишневые листочки. Впрочем, чаепитие было не главной, хотя и приятной составляющей этих вечерних встреч.

Четыре года назад Герман Иванович попал в ту же самую ситуацию, в которой когда-то оказалась сама Елизавета Владимировна: его отправили на пенсию, посчитав, что семидесятилетний профессор, доктор философских наук Мокроносов уже не вполне отвечает современным требованиям преподавания и не может более возглавлять кафедру философии, которой руководил сорок три года. Германа Ивановича эта новость ударила как обухом по голове, он всегда считал, что для истинного философа нет проблемы возраста, а его отставка – лишь плод вечных интриг сослуживцев и происки политических оппонентов.

Беда не приходит одна, в тот же год умерла его жена Натуся, с которой они жили долго и счастливо, до золотой свадьбы чуть-чуть не дотянули. Герман Иванович решил, что без полноценной работы и без Натуси жизнь не имеет никакого смысла, и приготовился расстаться с ней, как истинный философ, например Сенека. Хотя, конечно, хорошо бы все случилось как-то само собой, не столь кроваво. Ведь ему, как ни крути, все же до Сенеки далеко... От черных мыслей его спасла Ба. Она без всяких объяснений поняла, что творится на душе у соседа, и, не рассуждая, бросилась на помощь. Для начала она заставила его пойти на прием к ректору и выступить на ученом совете. Герман Иванович, волнуясь, доказывал, что его увлечение теоретическим наследием марксизма не является препятствием для восприятия философской мысли в целом, причем восприятия объективного – особо подчеркнул он, заранее предупреждая возможные выпады оппонентов. И что недавнее обращение известного и влиятельного философа Жака Дерриды к марксизму оказало сильнейшее влияние на многих левых интеллектуалов на Западе, дав повод, ни много ни мало, для переосмысления сущности философии! Его слушали снисходительно и невнимательно, подсмеиваясь над неумным пламенным марксистом, но, в конце концов, сжалились и позволили читать факультатив для студентов философского и социологического – по пять лекций в конце первого семестра. Это было все же лучше, чем ничего.

Потом Ба зашла с другого фланга.

– Голубчик, Герман Иванович, поверьте мне как врачу, – заявила она, – головной мозг – самый ленивый орган. Причем у тех, кто резко бросает интеллектуальную деятельность, он разрушается гораздо быстрее, чем у тех, кто умственным трудом никогда не злоупотреблял. Таким образом, вы определенно находитесь в группе риска, дорогой мой. Ведь десять лекций в декабре – это замечательно, но, согласитесь, маловато для философа такого уровня, как вы. Давайте будем напрягать мозг круглогодично – и проживем дольше в здравом уме.

Так и родилась на свет традиция вторничных и четверговых чаепитий. Сперва Ба готовила что посытнее, норовя ненавязчиво подкормить гостя перед интеллектуальным штурмом. Потом он научился вести хозяйство самостоятельно, и теперь они ограничивались печеньем и свежесваренным чаем. За столом они, не торопясь, обсуждали события дня, если таковые случались. Если жизнь не давала повода для размышлений и анализа, они смотрели новости, обсуждали прочитанное Германом Ивановичем в газетах и услышанное Ба от Левушки или по радио. На худой конец, смотрели новости в девятнадцать ноль-ноль. Этими встречами оба дорожили и в несомненной пользе их были уверены. А сегодня и тема для обсуждения была – каждый год Герман Иванович переписывал заново свою любимую лекцию «Классическая марксистская теория в интерпретации современной философской мысли», для чего месяцами сидел в библиотеке, перелопачивая горы литературы и журналов по философии, выписывать которые ему давно уже было не по карману. Его нынешним открытием была развернувшаяся в

специальной литературе дискуссия о марксистской трактовке социального насилия и его роли в историческом процессе.

– Поскольку вы уже слышали мою лекцию в черновом, так сказать, варианте, – торопливо прихлебывая чай, начал Герман Иванович, – то я вам озвучу только те тезисы, которые для вас станут открытием, дорогая Елизавета Владимировна. Во всяком случае, студенты меня сегодня слушали, как никогда. И все почти конспектировали, а это, поверьте мне, самый верный признак того, что им интересно.

– Я вся внимание, – завершила его Ба, устраиваясь поудобнее на диване.

Она по опыту прошлых лет знала, что сегодня игра пойдет в одни ворота, а ей не удастся вставить ни слова. Но ее радовало, что профессор оживлен и как будто помолодел. К тому же если ее сморит сон, то Герман Иванович этого не заметит, а минут через сорок она проснется и выразит свое одобрение. Тут главное – не всхрапнуть, а очки у нее затемненные, открыты глаза или закрыты – не видно.

– Итак, можно выделить две основные тенденции в интерпретации марксистской теории насилия, носящие прямо противоположный и взаимоисключающий характер, – волнуясь, начал Герман Иванович, украдкой подглядывая в лежащий перед ним конспект. – Первая тенденция – это изображение марксизма как учения, восхваляющего насилие в качестве главного движущего и созидającego фактора, определяющего ход истории. Насилие, согласно этому пониманию, предстает как неизбежно закономерное и исторически необходимое явление, имманентно присущее любой форме власти и социальному организму, независимо от каких-либо условий и обстоятельств. Насилие предстает при этом как самоцель революционного движения, как априори оправданное средство классовой борьбы и удержания власти, достижения определенных целей. Естественно, что в таком контексте марксизм выглядит как антигуманное и аморальное учение, несовместимое с демократическими ценностями и общечеловеческими нравственными нормами!

От возмущения Герман Иванович остановился и, чтобы успокоиться, глотнул чаю. Ба, которая задремать еще не успела, подлила ему горяченького из предусмотрительно накрытого куклой чайника (Валюша прислала из Америки, вот смех, будто своих таких у нас нет), а себе положила варенья. Потом она спохватилась и укоризненно покачала головой, осуждая столь вульгарный подход сторонников первой тенденции. Успокоившийся Герман Иванович вернулся к чтению:

– ...вторая тенденция представляет собой попытку путем абсолютизации и вульгаризации отдельных положений аутентичного марксизма, научно некорректного их истолкования использовать марксистское наследие для обоснования правомерности разного рода революционного экстремизма, политики терроризма и массовых репрессий даже в тех случаях, когда для этого нет объективной необходимости. Такой вульгаризированный и потребительский подход к марксизму с позиций конъюнктурных революционных потребностей и текущей политической целесообразности, стремление ссылками на марксизм оправдать любое применение насилия ради «высоких целей» всеобщего прогресса и свободы, свойственно некоторым современным борцам за народное счастье...

Сквозь одолевшую таки ее дрему Ба слышала, как щелкнул дверной замок – пришел Левушка. Молодец, быстро управился. Если бы она была одна – непременно вышла бы его встречать, это был важный ритуал, который говорил о том, что в доме все в порядке, она здорова и рада видеть внука. Если она не выходила в прихожую, то Левушка, едва раздевшись, прибегал сам, садился у ее кровати, спрашивал о здоровье, стараясь развлечь, рассказывал новости. Ужин она ему никогда не разогревала, потому что мужчина должен быть самостоятельным, и не стоит его слишком баловать. Вполне довольно и того, что ужин приготовлен... Она слышала, как внук подошел к двери, потоптался, прислушиваясь, и отправился на кухню.

Он старался не мешать Ба и Герману Ивановичу, относясь к их занятиям с умеренной иронией. От юного нигилиста девятнадцати лет от роду мудрая Ба большего и не требовала.

– ...таким образом, следует признать за аксиому, что до тех пор, пока существуют в тех или иных формах эксплуатация и отчуждение рабочей силы от условий ее воспроизводства, социальное неравенство людей, сохраняются предпосылки для проявления насилия. Можно также утверждать, что общечеловеческие нормы морали станут господствующими в сфере политики лишь тогда, когда коренным образом изменится вся система общественных отношений, когда исчезнет классовое право и привилегии! – закончил Герман Иванович и триумфально воззрился на Ба поверх очков.

– По-моему, это замечательно! – с энтузиазмом откликнулась она. – И очень современно. В то время, когда все увлеклись конъюнктурным очернительством, вы преподносите все в объективном свете.

– Вы действительно так думаете? – зарделся от похвалы Мокроносов.

– Без всякого сомнения, – уверила его Ба. – И вы знаете, что я вам посоветую, Герман Иванович? Пошлите эту вашу лекцию в журнал «Вопросы философии». Я думаю, это их заинтересует, и они сделают из нее отличную статью. Ничуть не хуже тех, которые вы мне зачитывали в прошлый раз. Даже лучше. Очень эмоционально.

– Да как же... – заволновался Мокроносов. – Я никогда не думал... Хотя раньше, много лет назад, я...

– Очень просто. Только рукописи сейчас, наверное, не берут. Попросим Левушку, он напечатает текст на своем компьютере и отправит... как это говорится, боже мой?! Левушка! – закричала Ба. – Можно тебя на минутку?

– Приветик, Ба! Здрасьте, Герман Иванович! О чем сегодня разговор? – нарисовался на пороге внук, держа в руках вилку с наколотым на нее куском котлеты.

– О марксизме, – кратко пояснила Ба, не давая Герману Ивановичу оседлать любимого конька. – Не урони котлету. Ты мне скажи, как называется эта штука в компьютере, по которой мама тебе письма шлет?

– Электронная почта.

– Это я и без тебя помню, – досадливо отмахнулась Ба. – Слово такое странное, ну как его, скажи...

– E-mail? – наконец догадался внук.

– Вот! Ты можешь по этому твоему e-mail, – Ба свысока покосилась на профессора, – отправить статью Германа Ивановича в журнал «Вопросы философии»?

– Да без проблем, – заверил Левушка. – Хоть во все журналы мира сразу. Где-нибудь да возьмут.

Взволнованный внезапно открывшейся перспективой Герман Иванович рассыпался в благодарностях, но Ба немедленно перешла ко второму пункту повестки дня, который был ею сформулирован так: к чему может привести бесконтрольное снижение холестерина путем приема таблеток горстями впрок. Причем Ба упирала на то, что в организме ничего лишнего нет, и холестерин, стало быть, тоже необходим. К тому же она недавно слышала по радио, что люди с низким содержанием холестерина в крови более склонны к суициду, во всяком случае, именно к такому выводу пришли южнокорейские ученые. А посему для уменьшения риска атеросклероза сосудов сердца, которого так опасается уважаемый Герман Иванович, вполне достаточно не есть ломтями свинину, сливочное масло и сало...

– Я и не... – попытался было возразить оробевший Герман Иванович.

Но Ба привыкла доводить начатое до конца:

– Нет, я вас прекрасно понимаю, именно холестерин делает эти продукты такими вкусными, но все же следует есть ежедневно побольше овощей и фруктов (неприменно с кожурой,

голубчик!), растительное масло, рыбу и овсяную кашу. А также полезна нагрузка в виде ежедневных часовых пеших прогулок в среднем темпе.

Затем к делу приступил Левушка. Он сообщил, что современная медицина считает нефармакологические методы лечения все же недостаточно эффективными (он покосился на Ба, но она на сей раз промолчала), притащил из своей комнаты толстый справочник «Видаль», нашел нужную страницу и принялся с выражением зачитывать:

– Первокард – гиполипидемический препарат. Селективный конкурентный ингибитор ГМГ-КоА-редуктазы – основного фермента, превращающего 3-гидрокси-3-метилглутарил-коэнзим А в мевалоновую кислоту...

Уставший от впечатлений Герман Иванович против своего желания немедленно принялся клевать носом, как недавно Ба под его тезисы о современной классовой борьбе. А Ба, напротив, с умилением смотрела на внука и, согласно кивая в такт, думала, как ей все-таки повезло с Левушкой: очень легкий ребенок, с ним никогда не было проблем ни из-за учебы, ни из-за сомнительных компаний, ни из-за девочек (избави боже от нынешних девочек!). И учится хорошо, и фармакологией вот увлекся, дело перспективное, может, кандидатскую потом защитит. Марик не смог защитить, писал-писал, да и забросил, за что Валюша его пилила нещадно, а Левушка сможет...

– Я завтра на оптовый рынок иду, вам что-нибудь купить? – проснувшись от наступившей тишины, преувеличенно бодро спросил Герман Иванович. – А то ведь Новый год и день рождения...

Судя по всему, он напрочь забыл, о чем шел разговор до того, как его сморил сон. Левушка вздохнул, захлопнул «Видаль» и удалился с обиженным видом.

– Что вы, спасибо, голубчик, – отказалась Ба. – Лев сходит и все необходимое купит в магазине. Он неплохо зарабатывает. Да и вы бы не таскали тяжелые сумки, он и вам принесет, что надо. Или Галю попросим по-соседски.

– Ничего-ничего, зачем утруждать людей без крайней необходимости... – Герман Иванович торопливо поднялся и, многократно извинившись и поблагодарив за заботу, интересную беседу и отменный чай, наконец отбыл восвояси.

Проводив гостя, Левушка вернулся в комнату и сообщил:

– Ба, там внизу объявление висит. Собрание завтра. В семь часов. Явка всех жильцов обязательна. Интересно, чего им надо?

– Завтра и узнаем, – резонно рассудила Ба. – Ты поел? А там котлеты еще остались? Будь добр, отнеси Алексею Николаевичу. И хлеба прихвати. Только знаешь... как-нибудь потихоньку. Скажи, я послала, у нас, мол... в холодильник не помещаются.

– Да ладно, Ба, не дергайся, сделаем. У него дверь почти всегда открыта. Я вчера вообще хлеб на кухне положил и ушел, а он спал и не слышал ничего. Наверно, утром подумал, что муза прилетала. Продуктовая.

– Не надо так, Левушка, – строго сказала Ба. – Плохо ему. Беда у человека. Наладится все потом. Мы же люди вокруг. Иди, отнеси. И дверь хорошо захлопни, мало ли что. На первом этаже пусто, залезет кто...

Левушка ушел исполнять роль продуктовой музы, а Ба, тяжело поднявшись, принялась убирать со стола. Но Левушка немедленно вернулся с тарелкой, на которой лежали котлеты и хлеб.

– Дома нет? – встревожилась Ба.

– Дома, – хихикая, доложил внук. – Только у них закуски и так полно, без нас. И вообще у них весело – позавидуешь! Не то что у вас с этим марксистом-ленинистом.

Не ввязываясь в дискуссию, Ба накинула шаль и отправилась в квартиру номер десять, где жил художник Пустовалов.

– ...на улицах Сарата-ава-а! Парней так многа-а-а хала-астых! А я люблю-у-у жана-тавва-а!!! – голосили за дверью квартиры Пустовалова. Дверь действительно была не заперта, Ба и Левушка прошли в комнату, остановились на пороге. Полулежа на накрытом газетами столе, соседка из девятой квартиры Галя исполняла песню из репертуара Кадышевой, а пьяненький Пустовалов, подперев голову двумя руками, внимательно слушал, сосредоточенно глядя ей в рот, но подпевать уже не пытался, только вдумчиво и согласно кивал. На столе красовалась полупустая бутылка водки, еще одна, уже без содержимого, лежала на полу. Роль закуски выполняли сваренный в мундире мелкий зеленоватый картофель и погрузневшие от долгого пребывания вне банки с рассолом соленые огурцы. Все это за неимением тарелок любители народных песен разложили прямо на газете. В банке из-под консервов лежала изрядная кучка окурков, в комнате было накурено.

Ба прошла к окну, распахнула форточку. Потом присела к столу, обмахнув ладонью единственную свободную табуретку. Левушка, давась от смеха, остался стоять в дверях. Песня закончилась, Галя упала грудью на стол и сладко разрыдалась. Пустовалов усилием воли сосредоточил взгляд на Ба, потом на бутылке. Поправил лежавший перед ним огурец, полюбовался проделанной работой и, удовлетворенно кивнув, сообщил:

– Натюр... Натюрморт. Да.

– Это я поняла, что не пейзаж, – согласилась Ба. – Я не поняла, по какому поводу гуляете? Что за праздник у вас?

– О! Лизавета! – обрадовалась Галя, сразу перестала всхлипывать и заулыбалась. – Давай с нами, бляха-муха!

– Елизавета Владимировна, – отрезала Ба. – Так что празднуем?

– Горе у меня, – радостно объявила Галя. – Уволили меня на хрен!

– Давай без «хрена». За что на этот раз? И трех месяцев не проработала, кажется?

– А у меня один... козел «зайцем» ехал, – принялась объяснять Галя, старательно выбирая слова. Было заметно, что она побаивалась строгой соседки. – Я ему культурно так говорю – плати, а он мне – хрен.

Ба оценила усилия рассказчицы держаться в рамках относительно цензурной лексики и на этот раз сделала вид, что «хрена» не услышала и сунутой ей под нос фигуры из трех пальцев не заметила.

– Ну вот. Он мне – иди на..., бабка! Какая я ему бабка?! Козел безрогий! Я ему и говорю...

Дословно воспроизведенная тирада опять ввергла вернувшегося было к жизни Пустовалова в легкий ступор. Ба, оглянувшись через плечо, строго посмотрела на Левушку, который не смог удержаться от смеха.

– Галя, – мягко начала Ба, – я все спросить тебя хочу, да забываю: ты где работала раньше? Где ты так материться научилась? У меня бойцы в госпитале тебе в подметки не годились.

– Диспетчером на автобазе, – охотно пояснила Галя, приняв последнее замечание Ба за похвалу. – Но мужики, шофера-то, не все так могли, как я, только некоторые. А я от мужа научилась, он у меня сидел. Так-то ничего был мужик, разве по пьянке только.

– Я так и думала, – кивнула Ба, как будто это все объясняло. – А дальше что было? На работе у тебя?

– А дальше там одна сучка... ну то есть одна старая корова, я у нее назло пенсионное проверила, чтоб под телку не косила. А она, б... такая...

Неожиданно Ба изо всех сил стукнула кулаком по столу – так, что жалобно звякнули стаканы. Галя подскочила и виновато закрыла рот ладонью, снизу вверх глядя на соседку. Пустовалов с проснувшимся интересом переводил взгляд с одной женщины на другую, явно не понимая, о чем идет речь.

– Хватит. Объясняй по-людски, – категорически потребовала Ба. – Так что эта женщина?
– Она пошла в управление и на меня телегу накатала, – вполне литературно завершила свой рассказ Галя. – Меня после смены начальник вызвал и стал беседу проводить. А я ему сказала...

Левушка заранее фыркнул, Ба поспешно сказала:

– Все, я поняла. Значит, у тебя опять каникулы начались. А зачем человека спаиваешь?
– Так жалко же его. Один он. Душа болит, как у меня. И картина эта, падла, никак не выходит. Ему лето надо, а у нас зима. Ну я вот... для сугреву, как говорится. Чтоб лето вспомнил.

Пустовалов вздрогнул и посмотрел через плечо на исчерканный синей краской лист бумаги.

– Вы ложитесь спать, Алексей Николаевич. Я к вам завтра зайду. Мы с вами чаю попьем, хорошо? Я котлеты принесу, они и вчерашние вкусные. У вас же все равно холодильника нет...

Успокаивающе бормоча, Ба знаком подозвала Левушку, и они совместными усилиями переместили пьяненького художника на диван, укрыли тощим одеялом, а под голову за неимением подушки подложили старое пальто. Что-то пробормотав про белую ротонду, Пустовалов мгновенно провалился в сон.

– Отправляйся домой, – строго сказала Ба соседке. – Завтра часов в двенадцать я за тобой зайду.

– Зачем? – испугалась Галя.

– На работу пойдем устраиваться. И не надейся увильнуть. Сигареты свои заberi. – Ба проследила за взглядом соседки и добавила: – А бутылку оставь, я тебе верну. Когда-нибудь.

Не осмелившись возражать, Галя бочком выбралась в коридор. Ба еще с минуту постояла, глядя на спящего художника, вздохнула. Тогда Левушка подошел, тихонько тронул ее за плечо. Ба щелкнула выключателем и шепотом спросила у Левушки:

– Как ты думаешь, а что, если завтра в Союз художников позвонить? Ведь люди же они, в конце концов. Все равно надо что-то делать.

День второй

Штормовое предупреждение

В предновогодние дни торговля на оптовом рынке под названием Екатеринбургский привоз просто-таки кипела. Горожане хватали все подряд: подсолнечное масло и тушенку – ящиками, муку и сахар – мешками, туалетную бумагу – связками, по опыту зная, что после новогодних праздников цены непременно подскочат, а они хоть на сотню-другую, да обманут проклятое племя торговцев, которое наживается за их счет. Как говорится, мелочь, а приятно. Представители «проклятого племени» задубевшими на морозе руками пересчитывали мятые купюры и, кряхтя, едва успевали подтаскивать тяжеленные мешки с собачьим кормом и стиральным порошком. Им, в свою очередь, была приятна мысль о том, что на ту самую сотню-другую они взопревших от жадности покупателей уже обсчитали. Словом, все были довольны, и торговля набирала обороты.

У Женькиного лотка покупатели не толпились, но без дела она не сидела и с утра продала уже восемь коробок петард, десяток римских свечей, шесть ракет и четыре фонтана, а копеечных бенгальских огней – и вовсе тридцать две пачки. Если и дальше так дело пойдет, то, пожалуй, и правда удастся весь товар реализовать до праздника, и тогда Ольга разрешит ей не работать. Хорошо бы, а то начнется сессия, и придется после праздника сидеть за прилавком с учебником – много ли вычитаешь таким макарком... Да и кому нужны петарды после новогодней ночи.

Женька вдруг почувствовала, что замерзла до невозможности, так, что ни рук, ни ног не чувствует. Еще бы – она, в отличие от всех прочих, торговала не в теплом павильоне и даже не в палатке, стены которой защищают хотя бы от пронизывающего ветра, а просто с лотка, притулившегося в конце ряда. Воспользовавшись тем, что покупателей пока не было, Женька сунулась в соседний павильон, где торговала сигаретами ее тетка, тетя Женья.

– Теть Жень, налейте кипяточку, – протянула Женька пластиковую коробку с китайской лапшой.

– Че, околела? – посочувствовала продавщица. – Иди ко мне, погрейся минутку, не растащат твою дрянь. Мы посматривать будем.

– Нет, спасибо, не могу, – отказалась Женья. – Мало ли что? Вот поем и согреюсь.

– Так ты поди и не завтракала еще? – догадалась женщина. – Ох и сучка твоя хозяйка! А с виду ничо баба, приличная, вот ведь...

Женька помотала головой и, сняв варежки, подхватила поданную коробку с лапшой. Сначала она погрела об нее руки, наслаждаясь теплом и думая, какое прекрасное изобретение – лапша. Потом она попросит у тети Жени кипятка и попьет чаю с печеньем – и совсем согреется. А вообще, размечталась Женька, помешивая лапшу гнущейся пластиковой вилкой, – продать бы все дня за четыре и уехать бы тридцать первого домой! Утром села в поезд, и вечером – дома, вот бы обрадовались мама и сестренки! Она и подарки девчонкам купила: Настене – кофточку на танцы ходить, а Катьке – куклу говорящую, которую к тому же можно водой поить, а потом – вот умора – приходится на горшок сажать. Женька разулыбалась, представив, как накинется на нее пятилетняя Катька, как обрадуется мама... Но нет, это вряд ли – наверняка тридцать первого самая торговля, и Ольга ее не отпустит, а поезд уходит в шесть утра...

– Девушка! Девушка, у вас бенгальские свечи есть? – Молодой человек смотрел на замечтавшуюся Женьку с улыбкой.

– Да, конечно, – смутилась она, спрятала коробку с лапшой, даже не накрыв крышкой, и вскочила. – Вот, эти по пятнадцать сантиметров, пять штук в коробке, двадцать рублей, а эти по сорок сантиметров, тут четыре штуки, эти по сто семьдесят.

– А какие лучше? – весело спросил парень. – Вы мне посоветуйте.

– Наверное, по сто семьдесят, – предположила Женька. – По двадцать дешевые, их мальчишки берут, для баловства.

Парень ей понравился – аккуратно подстриженный, в красивой дубленке. Вежливый, и глаза веселые.

– Ну, мы люди серьезные, – сказал парень. – Давайте две по сто семьдесят, гулять так гулять!

Краем глаза Женька заметила, что тетя Женья, высунувшись из окошка своего ларька, делает ей какие-то странные знаки. Подумаешь, дернула плечиком Женька, она и не кокетничает вовсе, просто вежлива с приятным покупателем.

Расплатившись, парень вроде бы потянулся за коробкой с бенгальскими свечами, однако из Женькиных рук ее не взял, и несколько секунд они оба держались за коробку с разных сторон. Женька, улыбаясь, подняла на парня глаза и удивилась – его лицо было жестким, без тени улыбки.

– Стоп, внимание! Контрольная закупка! – неожиданно громко закричал он, и к Женькиному лотку подбежали какие-то люди: мужчина в короткой черной курточке, второй – в милицмейской форме, молодой парень с видеокамерой, которую он нацелил на Женьку, и еще кто-то.

Она растерялась, а мужчина в черной курточке сыпал словами:

– Пожалуйста, предъявите накладные на товар, сертификаты, лицензию.

Ничего не понимая, Женья протянула проверяющим файл с какими-то бумагами, которые пару дней назад мимоходом, без всяких объяснений, сунула ей Ольга и которые она, конечно же, не читала – зачем?

– Девушка, вы что, смеетесь? – неприязненно спросил мужчина. – Предъявите нормальные документы!

– А эти... какие? – растерялась Женья. – У меня других нет. Какие дали... Я же вам объясняю – это не мой товар...

– Все так говорят: мол, я не я, и торговля не моя, – срифмовал милиционер, но никто не улыбнулся.

Женька беспомощно оглянулась на соседку, но та была занята с покупателями.

– У меня больше нет никаких документов. Я только реализатор. У хозяйки есть...

– Звоните хозяйке, пусть подходит, приносит документы, – предложил мужчина в курточке.

Женька попросила у тети Жени телефон и трясущимися руками набрала номер Ольги, но он не отвечал.

– Все ясно, – подытожил милиционер. – Будем оформлять и конфисковывать товар, девушка. Сейчас подгоним машину, все сложим аккуратно, не беспокойтесь. А пока составим протокол об административном нарушении.

Пока мужчины грузили товар в подъехавшую «газель», оторопевшая Женька невпопад отвечала на вопросы милиционера, с перепугу не понимая и половины из них, чем даже развеселила проверяющих.

– Ну, все считать не будем, вы не возражаете? – Милиционер протянул ей ручку и листок бумаги. – Подпишите здесь и здесь. А хозяйка ваша пусть подъезжает с документиками в Железнодорожный РУВД, на Челюскинцев, 45.

Когда машина уехала, Женька села на свою табуретку за опустевшим лотком. Взгляд ее упал на коробку с комком застывшей на морозе лапши – и она заплакала. Так ей жаль было и этой лапши, и себя, и увезенного товара.

– Ладно, не реви, – подошел к Женьке охранник рынка. – Ну, заплатит твой хозяин штраф. Двадцать тыщ – потолок, с него не убудет. Он на тебе больше сэкономил. Сколько тебе платит-то в день?

– Нисколько, – всхлипнула Женька.

– Да ладно, мне-то не заливай, – усмехнулся охранник.

– Штраф не хозяин платить будет – девчонка, – ввязался в беседу еще один реализатор. – Она продавала, ей и платить.

Женька заревела в голос.

– Ладно вам девку пугать! Ты чего про двадцать тысяч загибаешь? – налетела на мужика подоспевшая тетя Женя. – Не реви, Женька, ну, сходишь на административную комиссию, может, тыщ пять штрафу присудят. А может, и вообще две. Я ходила осенью, мне две присудили. Пожалеют, точно. Ты им скажешь, что студентка, что приезжая...

– Вот от чего это, интересно, зависит? Кому две, кому двадцать? – спросил реализатор.

– Это сколько начальник комиссии накануне водки выпьет, – пояснил охранник. Мужики рассмеялись и отправились по своим делам.

– Эй, девушки, вы еще долго там будете слезы лить? – заорал мужик от окошка павильона с сигаретами.

– А ты не ори! – вскинулась тетя Женя. – Не дома! Иду уже!

– Деточка, я могу вам чем-нибудь помочь? Не стоит так плакать, и сидеть на морозе негоже. Я, уж извините, невольно оказался свидетелем... инцидента. Ваш товар все равно увезли, вы идите домой, как-нибудь наладится, – подошел к Женьке какой-то старичок.

На нем было аккуратное драповое пальто, каких уже давно не носят, и смешная меховая шапка пирожком. Старичок был высокий, сухощавый и прямой, как трость, которую он держал в одной руке – а другой тянул за веревочку пустые старенькие санки. Сквозь очки с большими стеклами, в старомодной роговой оправе старичок смотрел на нее сочувственно и был немного похож на разведчика Штирлица из «Семнадцати мгновений весны» – если, конечно, представить дожившего до наших дней Штирлица, заглянувшего экономии ради на оптовый рынок. И покоренная этим сходством Женька, подвывая, всхлипывая и утирая нос покрасневшей от мороза рукой, вдруг принялась рассказывать постаревшему, но неизменно вызывающему доверие Штирлицу, что идти ей некуда, что она приехала из поселка Гари, от которого до Екатеринбурга восемь часов на поезде, поступать в педагогический. Поступила, но места в общежитии ей не хватило. Обещали на будущий год. А пока она живет у знакомой в подсобке ее магазина, и за это работает уборщицей в этом самом магазине. И что ее на той неделе хозяйка попросила на рынке поторговать – вместо мытья полов. Что идти сейчас домой, то есть в магазин, она не может, потому что в пять часов Ольга приедет и заберет ее вместе с товаром... то есть без товара, а сейчас она, Женька, не может бросить опустевший лоток. И штраф в двадцать тысяч она платить тоже не может. Произнеся «двадцать тысяч», Женька неожиданно перестала плакать и впала в оцепенение.

Дальше Герман Иванович действовал по наитию. Он подошел к продавщице сигаретного ларька, вручил ей свою визитку, написав на обороте домашний телефон. Потом заставил тетю Женю внимательно изучить свое пенсионное удостоверение, приговаривая:

– Чтобы ваша совесть была спокойна...

Затем, оставив изумленную продавщицу разбираться с наседавшей очередью курильщиков, подошел к Женьке, положил в ее сумку две оброненные блюстителем порядка коробки петард, взял ее за руку и повел к выходу с рынка. Женька не сопротивлялась. Она была так напугана и так замерзла, что ей было все равно. Лишь бы не встретиться с Ольгой.

...Подходя к дому, Герман Иванович невольно взглянул на окна седьмой квартиры – обычно в это время Елизавета Владимировна любит сидеть у окна, а ему очень не хотелось бы сейчас давать объяснения. Честно говоря, у него их и не было. Впрочем, Елизавета Влади-

мировна – человек деликатный и с расспросами приставать не будет, даже если и увидит. А там видно будет.

Но беспокоился Мокроносов напрасно – Елизаветы Владимировны дома не было. Она поднялась, как обычно, еще до шести, приготовила завтрак и разбудила Левушку исполнением «Марша энтузиастов»:

– Нам ли стоять на месте?
В своих дерзаниях всегда мы правы.
Труд наш есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы...

Манера исполнения была подозрительно задумчивой для марша, и Левушка сразу понял, что в голове у Ба зреет какой-то замысел. Но на все расспросы она отвечала уклончиво, и Левушка добился лишь обещания оставить записку и взять с собой сотовый телефон, если она куда-то отправится. По магазинам Елизавета Владимировна уже давно не ходила, эту обязанность взял на себя Левушка, и ее прогулки зимой, как правило, ограничивались двором и заброшенной верандой бывшего детского садика. Когда он подошел поцеловать Ба на прощание, она сидела за столом, задумчиво перелистывая странички старого телефонного справочника, а вместо традиционной просьбы не пренебрегать головным убором он услышал:

– Нам нет преград ни в море, ни на суше.
Нам не страшны ни льды, ни облака...

«Это точно, если Ба решила, ей ничего не помешает», – с тихой гордостью подумал Левушка, тихонько закрывая дверь.

В одиннадцать тридцать Ба, уже одетая и решительно настроенная, зашла к соседке Галине, велела ей одеться поприличнее и, крепко ухватив ее под локоть – боялась то ли поскользнуться, то ли того, что соседка сбежит, – вывела из дома, и они пошли к трамвайной остановке. Через четверть часа они уже входили в подъезд нового, сплошь забранного стеклом здания. Молодой милиционер, дежуривший в фойе, с вопросительным видом поднялся со стула им навстречу, но Ба сказала:

– К Нине Александровне.

Еще один милиционер с таким же внимательным взглядом, сидевший в некоем подобии стеклянного скворечника, проверил их паспорта, выписал пропуск, и по мраморной лестнице женщины поднялись на второй этаж. В большом светлом кабинете, уставленном дорогой мебелью из светлой кожи, их встретила женщина лет сорока пяти: разулыбавшись, пожала руку Елизавете Владимировне и цепко, внимательно оглядела Галину. О чем эта женщина и Елизавета Владимировна говорили, усевшись в мягкие кресла вокруг стеклянного столика, который Галина все боялась ненароком повредить, – она толком не поняла, настолько была подавлена роскошью окружающей обстановки, сиянием дорогих люстр, пушистостью ковра на полу и респектабельной тишиной за стенами кабинета.

– Ну что ж, Галина Павловна, раз вас все устраивает, завтра можете приступать, а сейчас спуститесь в отдел кадров, быстро вас и оформим, – под конец обратилась и к ней дама. – Коллектив у нас дружный, я надеюсь, мы с вами сработаемся. Требования у нас высокие, положение обязывает, вы понимаете, но и зарплата выше, чем в других подобных учреждениях.

– Ну что, ты все поняла? – посмеиваясь, спросила Елизавета, когда они спустились с крылечка.

– Ни х... не поняла, – озадаченно ответила Галина. – Ты куда меня водила и за каким хреном?

- Объясняю. Читать умеешь? Вон смотри – табличка.
- «Библиотека главы города», – с запинкой прочла Галина.
- И рядом табличку читай, – поторопила соседка.
- «Консульство США. Американская библиотека. Центр российско-американской дружбы», – едва не по слогам разбирала Галя.
- Молодец! – похвалила Елизавета. – С завтрашнего дня ты работаешь здесь уборщицей. С одиннадцати до пяти, воскресенье и понедельник – выходной. Сказать, какая зарплата?
- Да на х... мне твоя зарплата?! – возмутилась Галина. – Я работать и не собиралась! Чего мне – пенсии не хватит? Я отдыхать буду. Наработалась.
- Если бы ты одна отдохала – еще полдела, – ласково начала Елизавета Владимировна. – Так ты ведь Алексея Николаевича спаиваешь. Тебя дома оставить на неделю – и сама человеческий облик потеряешь, и его до греха доведешь.
- Чего ты ко мне пристала? – возмутилась Галина. – Не пойду, бляха-муха – и все тут!
- Поздно, – сообщила соседка. – Ты что, не понимаешь? Тебя уже с утра по всем каналам проверили, везде записали... Теперь отказываться нельзя.
- Почему? – не поняла Галина. – Х... они мне сделают?
- Совсем от жизни отстала, последние мозги скоро пропьешь, – вздохнула Елизавета Владимировна. – Ты заявление в отделе кадров написала?
- Ну...
- Считай, подписку дала. Это же режимный объект! Мэр! И консульство США. Видела, какая охрана? Милиция. И рамка металлическая на входе.
- И на х... им эта рамка?
- От террористов. Если оружие мимо понесут – она запищит. Короче говоря, отсюда так просто никто не уходит. Могут быть большие неприятности.
- Какие еще, б... неприятности? – возмутилась Галина, но уже не так уверенно.
- Вместо ответа соседка пожала плечами и многозначительно промолчала, и это молчание лучше всяких слов убедило Галину в безысходности ее положения.
- Да, и еще вот что, – оглянувшись по сторонам, как бы опасаясь, что их подслушают, зашептала Елизавета Владимировна. – Если ты здесь, на работе, хоть раз отпустишь словечко из твоих обычных выражений...
- Каких... выражений? – обессиленно спросила Галина.
- Вот этих самых. Которыми твои шоферы восхищались. Ну что тебе, повторить весь список? Я могу, честное слово, но не буду. Так вот, если ты хоть одно такое словечко ляпнешь, тебя сразу арестуют. Были прецеденты.
- За что?! – Галина споткнулась и едва устояла на ногах. – За что арестуют-то?!
- За оскорбление власти. Теперь с этим опять строго, – подняла палец вверх Елизавета Владимировна, как бы призывая в свидетели высшие силы. – Начинают, как раньше, гайки закручивать. Считай, опять однопартийную систему ввели, как раньше КПСС. И правильно, сколько можно? Так что мой полы и помалкивай.
- И что – ни слова? Б...! – простонала Галина.
- Ну отчего же? Можешь говорить «добрый день», «спасибо» и «пожалуйста», – великодушно разрешила Ба. – Посмотри, это там не наш трамвай? А то мне еще рыбу жарить. И держи меня крепче, я, если упаду, то уже не встану. Давай-давай, побежали!

* * *

К семи часам Левушка дома еще не появился и даже не позвонил, хотя к началу собрания он обещал прийти. Ба, как всегда, немедленно начала паниковать и воображать всевозможные неприятности, но звонить ему на сотовый все же не стала – мало ли какие дела у молодого

человека, не стоит старухе быть навязчивой со своими тревогами и мнительностью. Он знает, что она волнуется, и позвонит сам, как только сможет. Поэтому на собрание Ба отправилась одна, предусмотрительно прихватив табуретку – ноги уже не те, чтоб стоять.

Обычно в зимнее время такие мероприятия проходили на площадке между первым и вторым этажом, и, когда в доме было десять квартир, народу набивалось – на каждой ступеньке стояли. Когда началась эпоха приватизации квартир, жильцов первого этажа быстренько расселили, причем одна пьющая семейная пара из третьей квартиры при этом просто канула в небытие, а полусумасшедшую старуху из четвертой увезли куда-то на «Скорой», и больше она не вернулась. Воронова тогда не раз ходила к участковому, беспокоилась, просила узнать об их судьбе, и вежливый младший лейтенант Ларькин ее успокоил: документы в порядке, уехали ваши соседи куда-то в область, и слава богу – тот еще был контингент. А соседка лечится в психоневрологическом интернате, ее делами дочь занимается.

Потом на первом этаже сделали клуб игровых автоматов, и чего жильцы дома натерпелись – лучше не вспоминать. Автоматы работали круглосуточно, и веселая жизнь в доме и во дворе тоже кипела двадцать четыре часа в сутки. Елизавета Владимировна и супруги Мокроносовы писали во все инстанции, от СЭС до прокуратуры, но им если и отвечали, то неизменное – «нарушений нет». В прошлом году хозяин был вынужден закрыть заведение, и старожилы, то есть та же Елизавета Владимировна и Герман Иванович, отпраздновали это как большую победу, до которой супруга Германа Ивановича, к сожалению, не дожила. Старый дом постепенно приходил в себя вместе со своими жильцами. И вот – объявление.

Без минуты семь на площадку вышел Герман Иванович в парадной форме одежды – отглаженная белая рубашка и брюки от выходного костюма. Нарушали эту неожиданную торжественность только надетые на босу ногу тапки. Держался он тоже как-то странно, и Ба даже забеспокоилась – не заболел ли в результате своих хождений по морозу на оптовый рынок? Но Герман Иванович, нервничая, лишь оглядывался на дверь и отвечал уклончиво, а Ба из деликатности не продолжала расспросы. Мало ли, может, у него суп кипит на плите, вот и боится, чтоб не убежал. А рубашки другой под руками не оказалось. Галина, одетая в отличие от соседа совершенно не гламурно, в линялую футболку и вытянувшиеся на коленках трико, тоже была не так весела, как обычно, мусолила вонючую сигаретку и на соседку смотрела неприязненно. Но Ба сделала вид, что ее косых взглядов вовсе не замечает. Трезвая явилась – и на том спасибо. Последним пришел Пустовалов, он зябко кутался в застиранную, драную на локтях кофту с обвисшими полами и, похоже, тоже не особенно интересовался повесткой дня. Мрачный как никогда участковый Ларькин, за эти годы отрастивший брюшко и поднакопивший звездочек на погонах, представил им женщину средних лет с резкими манерами. Должность никто не разобрал, что-то вроде «представитель районной администрации». «Представитель» женского пола без лишних слов объяснила суть дела:

– Уважаемые гос... товарищи жильцы! Согласно генеральному плану застройки города улица Бажова будет расширяться, движение будет шестиполосным. Поэтому ваш дом подлежит сносу...

В наступившей тишине Ба тихо ахнула.

– Земельный участок будет изъят под муниципальные нужды. По Земельному кодексу – имеют право, – глядя на нее, пояснила женщина. – Я как представитель районной администрации в ближайшие дни с каждым жильцом буду встречаться и разговаривать отдельно. Передо мной поставлена задача помочь подобрать новое жилье взамен идущего под снос. Не волнуйтесь, обижать вас никто не собирается. Поможем найти оптимальные варианты для каждого, а также с переездом. Какие у вас есть вопросы?

– А если я... мы не захотим отсюда уезжать? – слабым голосом спросила Ба. – Квартиры ведь приватизированные, частная собственность. Как так можно – изъять?

– Тогда вас выселят в судебном порядке. Поймите, земельный участок изымается для муниципальных нужд, из-за одной вашей квартиры, – женщина обвела взглядом собравшихся, как бы зачисляя их в свои единомышленники, – генеральный план города изменять не будут. Такие спорные ситуации возникают периодически, и разработан механизм их урегулирования. Просто в этом случае вы еще и по судам набегаетесь.

– Спасибоочки! – ехидно вставила Галина. – Знаем мы эти суды. На х... надо!

– Вот и я говорю, – охотно согласилась с ней женщина, мимоходом улыбнувшись. – Дорога здесь все равно будет. Думаете, почему у вас капремонта никогда не делали? Потому что дом предназначен под снос, вот ЖКО вами и не занималось, зачем тратить деньги впустую? Кстати сказать, владелец помещений на первом этаже уже дал свое согласие, и тоже получит компенсацию наравне с вами. Он деловой человек и прекрасно понимает, что другого варианта у него просто нет. Еще есть вопросы? Ну, тогда все на сегодня. Я понимаю, что вам надо все обдумать. Утро вечера мудренее, я к вам завтра зайду и побеседую с каждым. Можно прямо с утра?

Вопрос был адресован всем. Но Пустовалов молча пожал плечами, Мокроносов пробормотал, что завтра с утра он будет «очень занят», а Галина сообщила, что с утра уйдет на работу, кинув на Ба уничтожающий взгляд и демонстративно запихнув окурок между ребер батареи.

– А вы? Вы утром будете дома? – повернулась к Ба настойчивая женщина, не спрашивая, а скорее утверждая.

– Я? Н-нет, – растерялась Ба. – Только не утром. И внука дома не будет. Лучше вечером. И не завтра. Мне надо подумать.

– Ну хорошо, тогда мы будем созваниваться, – подвела итог женщина и вместе с угрюмым Ларькиным, за все время так и не сказавшим ни слова, направилась к выходу.

Никто из жильцов, ошарашенных новостью, с ними даже не попрощался, и только когда оглушительно хлопнула железная дверь подъезда, все, не глядя друг на друга, как будто в чем-то виноватые, расползлись по своим квартирам.

Левушка пришел через час после собрания, уставший и злой. Пока он ковырял вилкой рыбу, Ба, волнуясь, рассказывала ему о собрании. Она нарушала правило: неприятные вопросы они всегда обсуждали после ужина, но и держать это в себе она не могла.

– Представляешь? Мы здесь прожили двадцать лет! Район хороший, к соседям я привыкла. – Ба говорила сбивчиво, от волнения перескакивая с одного на другое. – Под снос! Такой дом! Да как же можно?

Она наконец внимательно посмотрела на Левушку и увидела на его лице страдание.

– Боже мой, ты не переживай так, Левушка! – немедленно испугалась Ба. – Может быть, все еще и образуется. Я понимаю, что тебе тоже жаль этот дом, ты же здесь вырос, он тебя совсем крохой помнит. Надо писать, добиваться... Я завтра же... Ты не переживай!

– Ба, ну чего ты с этим домом? – отмахнулся Левушка. – Старая развалина, крыша протекает, лестница шатается. Под окном весь день пробки. Поменяемся и переедем, и район хороший найдем, чтоб квартира с балконом. Большой такой балкон, на два окна, и будешь ты на нем гулять.

– Это лоджия, – механически поправила Ба. – А почему у тебя тогда такое лицо?

– У меня скаты сдохли! – сморщившись, с отчаянием махнул рукой Левушка. – Все четыре! Заведут, идиоты, морской аквариум, а ухаживать – ума нет, и специалиста вовремя позвать – жаба давит! Из-за их понтов рыбыдохнут! Уроды!

Сникнув, Ба дослушала пламенный монолог юного ихтиолога, убрала со стола хлеб и, шаркая ногами, отправилась к себе в комнату. Закрыв за собой дверь, она зачем-то погладила, как живую, стену возле выключателя. Но свет так и не включила. Потом подошла к окну, выглянула наружу. Два окна ее комнаты выходили во двор. Было уже темно, но свет тусклого фонаря отражался от выпавшего утром снега, и она все же разглядела одинокую мужскую фигуру –

возможно, только потому, что знала: там кто-то есть. Мужчина стоял возле полуразвалившейся деревянной беседки, согнувшись, как будто закуривал на ветру. Ба, кажется, даже разглядела, что он был одет не по сезону: не то в очень тонкое пальто, не то и вовсе в плащ. Мелькнул огонек сигареты, Ба поняла, что сейчас мужчина выпрямится и скорее всего посмотрит на освещенные окна – и в ужасе отшатнулась, едва не упав.

Приступ аритмии длился больше двух часов, но Ба лежала, выключив свет, и лекарства не принимала – она забыла взять из кухни стакан с водой, идти за ним не было сил, и беспокоить Левушку она не хотела. У мальчика и так был трудный день, а тут еще она со своими болячками, Левушка всегда так пугается, когда ей плохо. Ничего страшного, она-то знает. Обычная аритмия, от этого не умирают. Во всяком случае, не в этот раз. А парень и без того наверняка не спит, переживает из-за своих любимцев.

Герман Иванович тоже не спал: он сидел перед телевизором, выключив звук и не особенно внимательно глядя на экран. Время от времени он подходил к запертой двери в бывшую комнату сына, которая до сегодняшнего вечера стояла необитаемой – за ненадобностью, и прислушивался, затаив дыхание. За дверью было тихо, значит, Женечка спала. Еще бы, после таких переживаний! Выслушав ее рассказ в спокойной домашней обстановке, Герман Иванович по-мужски опять принял важное решение:

– Женечка, вы можете жить у меня до тех пор, пока вам не дадут общежитие. Я даже попробую похлопотать в деканате, у меня были знакомые в вашем педагогическом университете. Уверяю вас – я порядочный человек, живу один после смерти жены. Завтра я познакомлю вас с соседкой, она милейший человек, и обязательно нам поможет... в ваших затруднениях. Вторая комната мне не нужна, а вам негде жить. Я очень вас прошу – оставайтесь.

Видя, что Женя колеблется, он предложил позвонить в Гари ее маме и долго разговаривал с мамой сам, на ходу изобретая всевозможные гарантии Жениной безопасности. Мама вздыхала и мялась. В результате долгих раскопок он добыл из ящика стоявшего в коридоре комода шпингалет, худо-бедно прибил его гвоздями к двери во вторую комнату, чтобы Женя могла закрываться изнутри. Поскольку идти все равно было некуда, Женька согласилась, и полночи Герман Иванович мерил шагами комнату, обдумывая планы на завтра. Он был взволнован... и, пожалуй, счастлив: ему так давно не приходилось ни о ком, кроме себя, заботиться, а эта девочка, конечно же, нуждалась в его помощи. Там, на рынке, она была худенькой и замерзшей, жалкой, как брошенный щенок, а потом, опять точь-в-точь как щенок, наелась и едва не уснула прямо за столом... Ничего, он в состоянии помочь девочке наладить жизнь. Хотя как именно помочь, Герман Иванович, всегда предпочитавший философские эмпирии низким бытовым хлопотам, не имел ни малейшего представления. Хотя нет, стоп! Он же правильно Женечке сказал про соседку. Точно! Елизавета Владимировна – дама умная, энергичная и со связями, она не откажется помочь. Завтра с утра прямо к ней!

Не спал и художник Пустовалов. Он сидел перед мольбертом, уже почти с ненавистью вглядываясь в чистый белый лист. Голова у него раскалывалась, и он отчетливо понимал – написать эту проклятую картину он не сможет. Не смо-жет!!! И страшная, белая, как этот самый лист, оглушительно пустая зима никогда не кончится!

В окне квартиры номер девять, где жила новоиспеченная уборщица помещений Центра российско-американской дружбы Галина Павловна Харитонова, свет не горел. Но ее хозяйка тоже ворочалась с боку на бок, до глубины души взволнованная предстоящей ей культурной миссией. Она уже дважды ходила на кухню за рюмочкой и выкурила подряд три сигареты, хотя курить, как назло, не особенно и хотелось, а сон все не шел. Все Лизка, дура, виновата, строит из себя самую умную, вечно лезет не в свое дело!

Казалось, и сам дом, обеспокоенный новостями, не спал. Вздыхал, шуршал, поскрипывал. Вспоминал о чем-то.

Из всех его теперешних обитателей только Женька сладко посапывала, наконец очутившись в нормальной чистой постели. После долгих разговоров, горячего душа и, главное, двух тарелок супа она едва могла сидеть на стуле, ее клонило в сон, и она уснула, едва коснувшись подушки. Но дверь на хлипкий кособокий шпингалет все же закрыла. И стул под дверь поставила. Она и в подсобке всегда так делала – мало ли что.

День третий

Папка с завязками

На следующее утро Левушка проснулся от нарочито-фальшивого исполнения «То берег ле-евый нужен им, то берег правый, влюбленных много – он один. У перепра-а-вы-ы!», из чего сделал вывод, что Ба не в духе. Да и вид у нее был не особенно бодрый.

– Ты опять не спала полночи? Аритмия, да? – подозрительно спросил он. – Почему не сказала? Я все равно не спал.

– Не аритмия, а так... – отвертелась Ба. – Ты из-за скатов переживал, тут я еще со своими болячками. К тому же ты сейчас уйдешь в академию, а я спать лягу, потому что я – человек свободный, хочу – сплю, хочу – гуляю.

– Ты ляжешь! – не поверил умудренный опытом Левушка. – Ты днем никогда не спишь, вечно себе дел напридумываешь, не своих, так чужих. А гулять по гололеду нечего. Весной нагуляешься.

– Лягу, – не очень уверенно пообещала Ба, – честное слово. Мне днем сны не снятся.

Какие именно – она не уточнила, но и в самом деле: человек без лица, который в последнее время отчего-то стал напоминать о себе все чаще, приходил только в сумерках. Левушка, между тем, как в воду глядел. Когда за ним закрылась дверь, Ба убрала оставшуюся после завтрака посуду, прошла в комнату, постояла в задумчивости – и отправилась не к дивану и не к креслу, в котором могла иногда и подремать, устав наблюдать за уличной суетой, а к телефону. Она так и не привыкла к тому, что современные телефонные трубки можно таскать за собой по всему дому, к тому же она непременно забывала ее в самых неожиданных местах, и потом, услышав звонок, металась по квартире и находила чертову трубку в тот момент, когда она, конечно же, умолкала. Поэтому Ба уселась на банкетку возле журнального столика, на котором базировался телефон, узнала по справке нужный ей номер и, переведя дыхание, набрала цифры.

– Союз художников, – отозвался на том конце провода приятный женский голос.

Волнуясь, Ба принялась рассказывать о том, что она – соседка художника Пустовалова, о том, что сосед ее оказался в трудных обстоятельствах, что ему нужна поддержка коллег...

– Одну минуточку, – попросила вежливая девушка.

Было слышно, как она положила трубку на стол и ушла. Где-то рядом смеялись и разговаривали, и оттого, что и смех, и разговор были хорошими, веселыми, Ба немного успокоилась.

– Алло, вы слушаете? – опять возникла в трубке девушка. – Дело в том, что ваш сосед...

– Пустовалов, Алексей Николаевич, – подсказала Ба.

– Да. Ваш сосед – не член Союза художников. То есть был, но еще в прошлом году исключен за неуплату членских взносов. Так что мы ему помочь ничем не можем.

– Ну и что ж, что исключен? – удивилась Ба. – Он же все равно художник. Хороший художник. И ему надо помочь.

– Извините, но это не наша обязанность, раз он не член Союза, – уже недовольным тоном сказала девушка. – До свидания.

– До свидания... – пробормотала Ба в длинно загудевшую трубку. И добавила для собственного утешения: – Дура!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.